

Эл Лекс

СТРЕЛОМАНТ 5

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эл Лекс

Стреломант. Том 5

<https://litres.ru/73905763>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то в этом мире появился реадиз - магия, которая теперь раскалывает мир пополам.

Брат против брата, сын против отца, мать против дочери. Вчерашние друзья оказались по разные стороны баррикад, и итог у всего это лишь один.

Мне же остается лишь помогать одной из сторон - той, которую выбрал я. Той, которая выбрала меня. Ведь у меня не было возможности предотвратить все это.

Или была?..

Содержание

Глава 1. Новости	5
Глава 2. Водоканал	18
Глава 3. Пат	32
Глава 4. Чужой портал	44
Глава 5. Рукопашник	58
Глава 6. Следы прошлого	71
Глава 7. Родословная	85
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Эл Лекс

Стреломант. Том 5

Название: Стреломант. Том 5

Автор(-ы): Эл Лекс

Ссылка: <https://author.today/work/191299>

Глава 1. Новости

— Ты же понимаешь, правда? — неуверенно спросила у меня Ника, когда я сел в кресло и вытянул уставшие от долгой прогулки по незнакомому городу ноги. — Ты же не можешь не понимать... Правда же? Ты же должен понимать, что чужая симка, тем более, полученная от недавнего противника — самый простой и самый вероятный способ нас отследить... Правда же?

Я все понимал намного лучше, чем Ника думала. Мало того, я сам думал о том же самом с того момента, как прочитал сообщение от Юли. Именно поэтому, прочитав его, я сразу же вынул сим-карту из телефона и так до сих пор и не вставил. Возможно, за несколько часов, что я бродил по городу в поисках банкомата, чтобы снять деньги, а потом возвращался в наше убежище, я уже успел пропустить от нее сообщение-другое. Возможно даже, именно то, что я их пропустил, сработало против нас, доказывая, что дела с нами иметь не стоит, что бы я там Юле не наговорил. Но мне все равно. Безопасность моей команды для меня стояла на первом месте.

Именно поэтому, вернувшись в клан-холл я сначала жестом оборвал все направленные на меня удивленные и заинтересованные взгляды, и подошел к Мартен, которая, как мне помнится, была единственным представителем Линии

Волн среди нас. Недолго переговорив с ней, я к своему удовлетворению узнал, что она способна оперировать и волнами сотовой связи тоже, что автоматически делало ее фактически детектором отслеживания. Поняв, чего я от нее хочу, она попросила у меня телефон со вставленной в него сим-картой, чтобы настроиться на нужные волны, и так и сидела с ним до сих пор, прикрыв глаза.

Персефоне я рассказал все как есть. А уж в каком виде она донесет это своим бывшим ученикам — это сугубо ее проблемы. В конце концов, я не могу делать все и сразу... То есть, могу, конечно, но в таком случае упадет продуктивность всего и сразу. Достаточно и того, что я являюсь связующим звеном между двумя силами, каждая из которых не сказать чтобы доверяет другой, но при этом друг без друга обе они обречены.

Поэтому сейчас я сидел в кресле, давая отдых натруженным ногам, и всем своим видом давая Нике понять, что у меня все под контролем. И даже лучше, чем под контролем.

Ведь я смог притащить в клан-холл деньги. Из нескольких карт, которые реадизайнеры наскребли по карманам, не заблокированной оказалась только одна, а банкомат, на который я наткнулся, смог выдать мне только сто пятьдесят тысяч, после чего наличка в нем закончилась. Конечно, я тут же попытался найти еще один банкомат и убил на это почти час, причем безрезультатно — когда я его нашел, оказалось, что карта уже заблокирована и с нее не то что ничего не снять,

аппарат даже отказался мне ее отдавать обратно.

Тем не менее, деньги у нас теперь были, а, значит, голод нам не грозит. Мы даже можем организовать себе в клан-холле Тесслеров какой-никакой комфорт до тех пор, пока не придумаем какое-нибудь убежище получше.

Поэтому следующие три дня прошли в какой-то вялотекущей суете. С одной стороны, все отдыхали душой и телом, наконец-то предоставленные самим себе, без необходимости куда-то бежать, кого-то спасать и с кем-то драться. С другой стороны, в заброшенном клан-холле всегда было что делать и чем заняться.

Конечно же, никто не планировал здесь делать ремонт — мало того, что это никому было не нужно, мало того, что это было попросту невозможно, так еще и могло привлечь лишнее внимание к давно заброшенному зданию. Мы и так старались лишний раз не использовать электрические приборы, чтобы резкие скачки напряжения не вызвали подозрения у местного правительства, и даже воду лили чуть ли не по расписанию, хотя с ней все было попроще — наличие в наших рядах гидромантов позволяло вытаскивать воду для наших нужд практически в обход всяких счетчиков и других систем контроля, прямо из-под земли.

В общем и целом, мы устроились очень даже неплохо. У нас была еда и крыша над головой, и мне, до сих пор помнящему свою прошлую жизнь, а, вернее, самое ее начало, прошедшее в дырявых сараях и мокрых канавах, достаточно

было и этого.

Мне — но не другим.

Холеные и лощеные аристократы, выросшие в атмосфере, по сути, вседозволенности и элитарности, оказавшись в сложных условиях вынужденного аскетизма, начали терять душевное равновесие. Поначалу они еще крепились и держались, шутя шутки на тему того, что давненько, а, вернее, никогда раньше им не приходилось ходить в походы и спать на голом полу, мало чем отличающемся по сути от земли в лесу (по их мнению). С едой тоже все было не сказать, чтобы гладко — оказалось, что из всей нашей группы почти никто не умеет готовить, что неудивительно, учитывая все вышеперечисленное. Реадизайнеры привыкли питаться уже готовым, в ресторанах и кафе, на худой конец — всякими службами доставки. Пожарить яичницу для многих из них было верхом кулинарного мастерства, да и то они были способны на это лишь при условии продвинутого оборудования и дорогой посуды. Когда же речь заходила о крошечной газовой горелке и общем котелке, их вовсе одолевало что-то среднее между истерикой и безграничным презрением. Из тридцати с лишним человек готовить в подобных условиях могли лишь пятеро — я, Уайт, чему я не удивился, двое незнакомых мне реадизайнеров из числа тех, что постарше, и почему-то Чел. Последней, помимо прочего, процесс готовки даже доставлял удовольствие. Впрочем, я давно заметил, что ей доставляет удовольствие все, что связано с помощью дру-

гим. Даже если готовил кто-то другой, Чел обязательно вертелась рядом и помогала, даже если ее не просили, поэтому в итоге, после разговора с ней, было решено, что она будет кашеваром на постоянной основе, и ради этого в один из очередных походов в магазин я даже купил ей набор недорогих, но неплохих ножей — смотреть, как она кромсает продукты огромным толстенным свиноколом управления, который кто-то из реадизайнеров откуда-то притащил в клан-холл как трофей, было выше моих сил. Конечно, всегда можно было использовать прану для нарезки продуктов, но подобные траты праны вряд ли одобрил бы хоть кто-то.

Если по-первости реадизайнеры воротили носы от простых походных блюд навроде макарон с тушеным мясом и овощами, то уже буквально через день уже наворачивали их же за обе щеки из дешевых жестяных мисок дешевыми жестяными ложками. Мы не могли позволить себе шиковать — и не по причине недостатка денег, его-то как раз не было, — а по причине того, что у нас банально негде было хранить скоропортящиеся продукты. Нас спасали консервы и всяческие крупы, из которых Чел умудрялась готовить потрясающе вкусные и сытные блюда, употребляемые под аккомпанемент одного из телефонов, которые мы посменно использовали как телевизор. Потому что Юля это хорошо, информация от Юли — еще лучше, но за два дня этой информации пока что не поступало.

А вот из телефона порой говорили интересные вещи. Су-

дя по всему, управление рассекретило подробности своих действий и их причины, потому что в новостях начали появляться сюжеты, напрямую связанные с происходящим в мире.

— Продолжается общемировая спецоперация под названием «Травля». — как один, начинали свои доклады дикторы новостей. — В этот раз к ней присоединились муниципалитеты таких городов, как...

И дальше, после списка городов, дикторы рассказывали, что именно произошло в этих городах и как это повлияло на общую ситуацию.

Получалось, что после первой стадии, основной, в процессе которой управление взяло под стражу всех реадизайнеров, которых только смогло, которые не сбежали и не дали отпор прямо на месте, конфликт перерос в стадию холодной войны. Не обладая достаточными силами для того, чтобы взять под свой контроль все города, управление заняло лишь основные, самые крупные, в которых отсутствие реадизайнеров на своих рабочих местах могло ударить по уровню жизни особенно сильно. Многих реадизайнеров из числа сенсов, которые до этого были освобождены от работ в составе оперативных групп, и вместо это занимались бытовыми вещами, освободили и вернули к работе, но под неусыпным надзором Иллюзионистов. Другого выхода у управления просто не было — инфраструктура любого крупного города в основе своей опиралась именно на реадизайнеров. Гидроман-

тов для обеспечения бесперебойной подачи воды, аэромантов для поддержания хороших метеоусловий и обеспечения полетов самолетов, геомантов для быстрого проведения земляных работ и помощи при строительстве, и прочих -мантов для всего остального.

С одной стороны, эти новости было радостно слышать — это означало, что некая часть реадизайнеров, поначалу брошенных в темницы, смогла каким-то образом доказать свою лояльность человечеству, и снять с себя подозрения, пусть и частично. А если это сделала некоторая часть, то, возможно, получится и у остальных. Да, среди них тоже могут оказаться шпионы заговорщиков, но после разговора с Юлей это уже не имело никакого значения. По ее словам, реадизайнеры, пусть и в качестве консультантов, были даже в управлении, а значит, среди них тоже могли быть шпионы заговорщиков. И, если они там есть, а по закону подлости, они там есть, за шпионов на всех прочих уровнях можно просто не беспокоиться — не имеет смысла.

С другой же стороны, возвращение реадизайнеров к работе было не лучшей новостью, только мало кто в состоянии до этого додуматься. Да, реадизайнеров вернули в самом минимально необходимом для работы количестве, но одно только это уже прилично ослабляло управление — значительную часть своих и так не больших сил они были вынуждены тратить банально на надзор за работающими.

И, к сожалению, среди заговорщиков тоже были люди, ко-

торые это понимали. Поэтому они, как я и думал, принялись творить беспредел там, куда управление не могло дотянуться физически. Их целями стали небольшие города и ресурсные поселки — все то, что могло в теории существовать без радизайнеров вовсе, и из-за этого было максимально уязвимо перед ними.

За два дня заговорщики умудрились провести три атаки, две из которых оказались удачными, причем произошло они в один день. То ли здесь имела место быть какая-то система, то ли звезды так сложились, но в первый же день после разговора с Юлей заговорщики устроили кровавую бойню на электростанции в небольшом городе, а часом позже — сожгли аэродром в городе чуть ли не на другом конце континента, практически полностью отрезав его от снабжения, потому что, кроме как самолетом, добраться туда было практически невозможно.

В эти города управление добралось лишь для того, чтобы остаться разгребать последствия террористических актов — ничего больше они сделать не могли. Даже отправиться следом за заговорщиками они бы не смогли — слишком много времени прошло для того, чтобы пытаться открыть порталы, которыми они приходили и уходили.

Зато на следующий день управление отбило атаку, которую заговорщики провели на центр телевидения в городе в какой-то сотне километров от нас. То ли они как-то предугадали следующий ход заговорщиков, то ли так удача повер-

нулась, но ренегаты выпали из порталов чуть ли не в объятия Иллюзионистов, и те знатно их потрепали, захватив двоих в плен и заставив отступить ни с чем остальных.

К сожалению, порталная машина не помогла им и в этом случае — как сообщили в новостях, открытый заново портал привел управление в пустошь, где их чуть было не сожрали дарги и от которых удалось отбить лишь благодаря поддержке Иллюзионистов. Также в пустоши обнаружился еще один портал, открытие которого опять же не дало результатов, кроме новой точки пустоши, нового сражения и нового портала, открыть который уже не получилось — время вышло.

Теория о том, что шпионы заговорщиков есть даже в среде управления, получала все новые и новые доказательства. Если я узнал о существовании порталной машины непосредственно от работника управления, то откуда бы могли узнать заговорщики? То-то и оно...

Единственное, что я не мог понять во всем этом — как так получилось, что реадизайнеры убивают людей? Ведь, согласно Кодексу, реадизайнеры являются щитом человечества, не так ли? Как щит может повернуться против своего хозяина?

— Ты вообще читал Кодекс? — покосилась на меня Ника, когда я задал ей этот вопрос.

Я не стал ей говорить, что так и не нашел времени открыть заветную брошюру, а потом, во всей этой суматохе, конечно же, потерял ее с концами, поэтому просто неопределенно

пожал плечами.

— Реадизайнер не может причинить вред человеку, если человек не применил к нему какое-то физическое воздействие первым. — объяснила Ника. — Но есть одно огромное но. В Кодексе упоминается прямое причинение вреда, а для реадизайнера это очень расплывчатое понятие. Если ты ткнешь человека в живот кровавым клинком, это одно, а если ты хлестнешь кровавой плетью по потолку, и человеку разmozжит голову упавшими камнями — это совсем другое. Подобное в Кодексе просто не указано, а, значит, никак не регулируется.

— Дураки какие-то писали ваш Кодекс. — вздохнул я.

— Иногда я тоже так думаю. — кивнула Ника. — Там столько дыр, если вдуматься... Да и не дыр, а просто непонятных и странных моментов... Знаешь, почему Марк напал на тебя без опасения вызвать внимание Арбитра?

— Потому что запихнул меня в Пустоту?

— Про Пустоту ничего не знаю. — помотала головой Ника. — Но не думаю, что для Арбитра это было бы проблемой. Дело в том, что внутри клан-холлов не действует запрет на конфликты внутри городов. В клан-холлах и почему-то в местах силы, даже в стенах городов. Это значит, что в стенах клан-холла можно драться, сколько влезет, и Арбитр не вмешается.

Так вот почему Филипп и Кир так открыто демонстрировали друг другу свою агрессию — они действительно могли

тогда кинуться в бой.

К счастью, Персефоне, судя по всему, удалось достучаться не только до них, но и до всех остальных в нашей группе. Ей пришла в голову та же идея, что и мне, только раньше, и к тому моменту, когда я высказал ее, оказалось, что она до всех уже донесена.

Парадокс нашей ситуации заключался в том, что для того, чтобы не позволять заговорщикам уничтожать человечество, нам достаточно было... Ничего не делать!

Одно только наше появление там, где заговорщики решили покуражиться, автоматически лишало их этой возможности — ведь стоило кому-то из нас или них применить реадиз по отношению к другому, как тут же неминуемо явится Арбитр, и любую агрессию придется прекратить. Мало того — в подобной ситуации наша группа оказывается даже в более выигрышном положении, потому что им достаточно спровоцировать заговорщика на атаку, или, еще проще — заслонить собой от атаки человека, а Арбитр мгновенно сотрет из реальности проштрафившегося заговорщика.

Идеальный план. Надежный, как швейцарские часы.

Только вот не было возможности претворить его в жизнь. Ни об одном из трех нападений Юля меня не предупредила — то ли не успела, то ли не захотела, то ли вовсе не собиралась этого никогда делать, а симку мне передала лишь для того, чтобы заманить в очередную ловушку. Так или иначе, когда мои реадизайнеры услышали об удачных атаках заго-

ворщиков, когда они увидели окровавленные трупы, размытые для сохранения нервов зрителей, как минимум половина из них посмотрела на меня со странной смесью осуждения и неприязни в глазах.

И я их, в общем-то, понимал. Персефона подготовила их к открытому противодействию своим родственникам, своим семьям, капитально промыла мозги, уж не знаю как, но настроив их против вчерашних братьев и сестер, и они сейчас рвались в бой... Но никакого боя не было. Вместо этого была бойня. Бойня, которую они могли бы предотвратить не то что малой кровью, а без крови вовсе.

Могли бы — но не смогли.

Отчасти, по моей вине.

И проблема даже не в том, что нарастающее напряжение грозило чем-то плохим для меня — я-то справлюсь. Проблема в том, что это напряжение зачастую пробивало искрами пространство между другими реадизайнерами. Теми, кто изначально недолюбливал друг друга, но кто забыл свою вражду на все это время. Сейчас накопленная, но не растроченная энергия, упорно искала выход, и ближайшим выходом была агрессия в сторону того, кого и так недолюбливаешь. Может быть, недолюбливаешь не так сильно, как заговорщиков, но зато находящегося рядом — только руку протяни.

К середине третьего дня Кира и Филиппа снова пришлось растаскивать по углам, чтобы они не сцепились, и я понял — еще сутки, и все кончится совсем плохо. Даже возникли

мысли написать Юле, чтобы узнать, не забыла ли она о нашей договоренности.

Но она написала сама.

Глава 2. Водоканал

«Нападение на водоканал в Гаврополе, только что сообщили! наших там нет, а охрана не справилась! Самое время себя показать, если это и вправду ваша цель! Не подведите!»

Дочитав, я повернулся ко всем присутствующим в клан-холле и громко похлопал, привлекая к себе внимание:

— Эй, народ, боевая готовность! Кто знает, где находится Гаврополь?!

Реадизайнеры несколько секунд удивленно переглядывались и пожимали плечами, и в итоге я понял, что ничего от них не добыюсь.

— Так, ладно, второй вопрос — где Персефона?! Кто видел Персефону?!

Выяснив, что Персефона ушла на второй этаж, я бросил остальным, чтобы они готовились наконец вступить в дело, и поспешил по лестнице наверх.

Персефона нашлась в одной из комнат, мирно гоняющей чай с Аминой из железных кружек.

— Гаврополь это где?! — с порога атаковал я. — Мы можем туда попасть?!

— Конечно. — даже не удивилась Персефона, мгновенно ухватившись за суть проблемы. — Это даже не очень далеко, каких-то полтысячи километров. Я так понимаю, мы в деле?

Вместо ответа я снова прочитал ей сообщение от Юли.

— Так что торопимся! — велел я, убирая телефон обратно в карман. — Нам еще в городе водоканал надо искать!

— Не надо. — Персефона встала и рукой чопорно разгладила складки на платье. — Гаврополь — мой родной город, и я отлично его знаю. Я доставлю вас всех прямо к водоканалу.

— Великолепно! — обрадовался я. — Тогда скорее вниз, остальные уже собираются!

И я поспешил вперед, чтобы убедиться в том, что только что сказанное — действительно, правда.

К тому моменту, когда Персефона и Амина спустились на первый этаж, реадизайнеры уже собрались в одну кучу, бросив все то, чем они занимались.

— Помните главное, — я решил еще лишний раз напомнить группе наш основной постулат. — Мы не должны в открытую агрессивировать против заговорщиков! В черте города это равно самоубийству! Держите себя в руках, провоцируйте на агрессию их, но ни в коем случае не проявляйте агрессию сами! Идеальный вариант для нас — чтобы противники попытались явно или скрытно нас атаковать, чтобы ими занялись Арбитры!

— Значит нам надо подставляться под удар? — недовольно уточнил Файерс.

— Именно так. — кивнул я. — Причем подставляться так, чтобы пережить этот удар, иначе все бессмысленно. Все, поехали!

Я кивнул Персефоне, и она принялась за работу. Отрастив

прановую руку взамен отсутствующей, Ратко обвела ею большой круг в воздухе, рисуя не тающую в воздухе светящуюся линию, и, когда она замкнулась, заложенная в линию прану потекла к середине окружности, и, коснувшись сама себя, завертелась и закрутилась, превращаясь в прановый шторм, лишь в самом центре которого проглядывала искра вечной тьмы Пустоты. Еще мгновение — и затянуло и ее тоже

А ведь ни разу до этого момента мне не доводилось видеть, как открывается портал. Я видел уже открытые, но ни разу — только открывающиеся. Занятное, надо сказать, зрелище. И, если я правильно понял все происходящее — тоже связанное с Пустотой.

В последнее время слишком много всего оказывается связано с этой мерзкой Пустотой...

Оторвав взгляд от портала, я развернулся к остальным реадизайнерам:

— Мы появимся перед входом в местный водоканал. Там наверняка много жертв среди гражданских и среди охраны, так что все, кто имеет навыки врачевания, займутся ранеными. Наша задача — сохранить как можно больше жизней, в том числе среди раненых. Все, кто не будет занят помощью раненым — идут со мной на поиски заговорщиков. Блокируем их и не позволяем им пользоваться реадизом. Патовая ситуация устроит нас, но не устроит их — через время явится управление, а это им не на руку.

— Так нам тоже. — внезапно высказался кто-то из деву-

шек.

Я кивнул:

— Нам тоже. И в этом случае мы, как и они, тут же свалим. Но мы при этом достигнем своих целей, а они нет. На самом деле, я уверен, что заговорщики уйдут, едва только поймут, что мы их переиграли, но на всякий случай готовимся к худшему варианту. Главное — ничего не боимся, и держимся по возможности рядом друг с другом. Помните — заговорщики не ожидают никакого сопротивления и будут неприятно удивлены нашим появлением. Всем все понятно?

Реадизайнеры принялись нестройно кивать.

— Отлично. Мы пойдем тремя порталами, в первые два проходим вместе, в третий, который приведет нас на место, я пойду первым, отдельно от остальных. На случай, если это ловушка управления. Если в течение минуты я не подам сигнал Персефоне, она знает какой, то портал закроется и никто никуда не пойдет. Если подам — значит, все нормально и можно идти. До этого момента в портал никто не заходит. Всем все ясно?

Реадизайнеры снова нестройным хором подтвердили, что все поняли, и тогда я первым шагнул в портал.

Первые два портала, которые Персефона открывала поочередно, закрывая предыдущий, протащили нас по каким-то случайно выбранным точкам пустоши. К счастью, нам повезло не столкнуться с даргами — в первый раз мы провели слишком мало времени на открытом пространстве,

а во втором... Наверное, их просто не оказалось поблизости. У меня не было полной уверенности — как и договаривались, я шагнул в портал первым.

На самом деле, это была перестраховка. Даже если бы люди управления действительно хотели заманить нас в ловушку, даже если бы их планом действительно было схватить меня, а следом — и всех остальных, они все равно не смогли бы атаковать нас прямо на выходе из портала. У них просто не было возможности узнать, где именно мы высадимся из портала. Да что там у них — я сам об этом не знал!

Поэтому, даже если бы управление действительно подстроило ловушку для нас здесь, захлопнуться эта ловушка должна была не раньше, чем мы попадем внутрь территории водоканала — в противном случае, управление не может быть уверено, что мы попались в нее если не всем составом, то большей его частью. А для того, чтобы мы попали на территорию водоканала — им надо было создать условия, которые заставили бы нас туда попасть. Именно в этом и заключалась реальная причина, почему я пошел вперед — у меня была минута на то, чтобы определить, насколько реальным выглядит то, что я увижу по ту сторону портала.

Но, едва только я это увидел, я понял, что это не ловушка. Невысокое трехэтажное здание водоканала стояло за бетонным забором, по верху которого тянулась колючая проволока. Мощные стальные ворота, когда-то закрывавшие проезд, были сорваны со своих мест и лежали внутри двора. Да-

же отсюда, находясь в двадцати метрах от них, я видел, что толстенные листы металла не просто сняты с петель, а они выгнуты и порваны, словно бумажные.

Досталось и самой стене — в том месте, где должны были находиться ворота, стена была выкрошена и разбита на отдельные кирпичи, будто створа ворот нападающим было недостаточно для того, чтобы пройти всем разом, и они расширили проход кардинальным способом. Колючая проволока, вившаяся по верху стены, спутанными клубками валялась на асфальте, кое-где расплавленная в бесформенные, уже застывшие, лужицы металла.

Кроме здания на территории водоканала было много труб. Разных цветов, размеров, форм, они выходили из-под земли в одном месте и том же месте, переплетались самыми невероятными образами, и снова уходили под землю почти там же, где выходили. Вся эта конструкция была нужна лишь для того, чтобы можно было управлять протекающими через трубы потоками — судя по многочисленным вентилям, торчащим из труб в одном и том же месте.

Сейчас половина труб была порвана и пробита, и из них хлестали потоки воды, заливая весь внутренний двор. Только лишь из-за этих потоков не было видно крови, которую просто смывало прочь.

А крови должно было быть много. Только при беглом осмотре я увидел как минимум семь недвижимых тел, наполовину плавающих, наполовину лежащих в потоках набега-

ющей воды. Одно из них лежало у меня прямо под ногами, лежало лицом вверх и я не удержался — нагнулся и легонько щелкнул ногтем по холодному веку.

Никакой реакции. Это действительно мертвец. Живой человек не способен сопротивляться рефлексу моргнуть, когда что-то угрожает глазу.

Значит, и все, что творится внутри — не спектакль управления, а самый настоящий террористический акт. И, судя по тому, что дверь управления водоканала тоже сорвана с петель, несколько окон разбито, а из одного из них свисает мертвое тело, заливая кровью стену под собой — террористы уже внутри.

Опомнившись, я подал сигнал Персефоне, и портал за моей спиной тут же выплюнул из себя сразу несколько реадизайнеров.

Ника и Чел, конечно же, были среди них. Само собой, они скрывали лица под прановыми масками, но я все равно узнал их — по фигурам, по одежде.

Сам я маской не пользовался. Какой смысл, если мое лицо и так прекрасно известно всем, от управления до заговорщиков? Только лишние траты праны.

Спустя несколько секунд перед порталом стало уже тесно от прибывших реадизайнеров. Вода громко плескалась от множества шагов, несколько десятков прановых масок с подозрением осматривали здание водоканала, из которого не доносилось ни звука.

— Кир? — наполовину спросил, наполовину позвал я в толпу, и один из прибывших первыми реадизайнеров в красной маске, повернул голову в мою сторону. — Проверьте все тела. Возможно, кто-то жив. Остальные — за мной.

Кир кивнул и его заранее собранная группа из четырех реадизайнеров осторожно двинулась к телам во дворе.

Остальные пошли за мной — внутрь здания управления.

Внутри все было развалено и уничтожено. Турникет на входе был расплавлен адовым пламенем, стекла в будке вахтера отсутствовали, зато присутствовали они в спине тела в синей форме, лежащего чуть дальше по коридору. Судя по кровавому следу, тянущемуся все из той же будке — того самого вахтера. В руке он даже после смерти сжимал маленький черный пистолет.

Проверять его мы не стали — это задача группы Кира, который пойдет чуть позже по нашим следам. Впрочем, уже сейчас можно сказать, что этот человек тоже мертв — слишком много крови из него вылилось.

Вправо от проходной убежал длинный прямой коридор, по стенам которого виднелись многочисленные открытые, а то и выбитые, двери, а прямо располагалась лестница, ведущая как вверх, так и вниз.

— Блок «а» — проверить верхние этажи. — скомандовал я, имея в виду заранее определенную половину состава, в которую входила Амина в качестве связного. — Остальные проверяем здесь и вниз по лестнице. Не разделяемся, но за-

щищаться готовимся.

Половина реадизайнеров довольно организованно двинулись вверх по лестнице, остальные во главе со мной двинулись по коридору, заглядывая в каждый кабинет на пути.

Везде нас встречала примерно одна и та же картина — хаос и разгром. Столы были сломаны, содержимое шкафов — выброшено на пол, бумаги рассыпаны или сожжены. Создавалось ощущение, что заговорщики из кожи вон лезли, чтобы все разрушить. Чтобы показать свою жестокость и ненависть к людям. И, раз уж тут почти нет самих людей, — все же рабочий день уже закончился, — они разрушали все прочее, до чего только смогли дотянуться.

В одном из кабинетов Мартен внезапно насторожилась, и, как гончая, принялась что-то вынюхивать.

— Что такое? — спросил я, заметив это.

— Звуковые волны. — коротко ответила Мартен. — Слабые. Где-то... Тут.

Она ткнула пальцем в угол, в котором громоздился разрубленный пополам стол, приваленный обломками шкафа.

— Помогите! — скомандовал я, хватаясь за обломки и пытаясь их отбросить. — Только аккуратно!

Через минуту, когда мы разгребли завал, оказалось, что под ним есть живой человек. Немолодая, тяжело дышащая женщина, окровавленная, в разодранной одежде, и с наполовину сорванным с черепа скальпом. Именно ее прерывистое, скорее всего, из-за сломанных ребер, дыхание и услышала

Мартен.

— Кто-нибудь, быстро за Киром! — скомандовал я, приседая рядом.

— Пожалуйста... — прошептала женщина, увидев нас. — Пожалуйста... Не на... до...

— Спокойно, мы хорошие парни. — я протянул руку и взял ее окровавленную ладонь в свою. — Мы пришли помочь.

— Вы... Реа... Ди...

Сложное слово так и не далось женщине, она закашлялась.

— Да, мы реадизайнеры. — подтвердил я. — Но не те, которые на вас напали. Наоборот — мы против них. Они еще здесь?

— Они здесь... — с трудом кивнула женщина и поморщилась от боли. — Они... Говорили про подвал... Про магист... магист... ральные трубы... Что-то хотели... сделать...

— Подвал это вниз по лестнице? — уточнил я для ясности.

— Конечно, подвал это вниз по лестнице! — прошипела у меня за спиной Ника. — Разве не понятно?! Давай, шустрее!

— Сейчас придет наш человек и поможет вам. — я вернул взгляд к лицу женщины. — А мы займемся этими подонками.

— Осто... рожнее... — выдохнула женщина и закрыла глаза.

Я обернулся:

— Все в подвал! Там явно происходит что-то не самое хорошее!

— А она? — дернулся кто-то из реадизайнеров.

— В подвал! — заорал я. — Быстро!

И первым выскочил из кабинета, расталкивая локтями остальных.

Добравшись до лестницы, я сбежал по ступенькам до середины пролета, ухватился за перила, подпрыгнул, перемахивая через них, и приземлился сразу на пролет ниже. И еще раз, и еще раз.

Подвал оказался не прямо под нами, до него пришлось спуститься на глубину двух этажей или четырех пролетов лестницы. Я пропрыгал их через перила, не тратя время на спуск, поэтому серьезно оторвался от всех остальных, кто еще только начинал спускаться по лестнице, поэтому так получилось, что в подвале я оказался один. По-хорошему было бы дождаться остальных, но я не стал. Слишком живо перед глазами стояло лицо женщины, которая даже на грани потери сознания от болевого шока нашла в себе силы сообщить о том, что заговорщики что-то планируют сделать с трубами. Совершенно понятно, что ничего хорошего они с ними не сделают, а, если прибавить к этому факт, что эти трубы настолько важны, что про них помнят даже на грани смерти, ситуация и вовсе становится критической.

Поэтому я решил не ждать и пошел вперед по едва осве-

ценному коридору, решив, что остальные догонят.

В коридоре было сыро и холодно, по стенам тянулись плотные ряды разнокалиберных труб, с которых местами капала вода. Никаких ответвлений или дверей здесь не было, коридор тянулся себе и тянулся, пока метров через пятьдесят не вылился в большой зал.

Теперь стало понятно, почему лестница уходила не на один, а на два этажа вниз — как раз два этажа занимал этот зал. В нем располагались какие-то огромные цистерны, поставленные на попа, бочки, над которыми были переброшены мостки из железных листов с приваренными перилами. И все это было опутано настоящим клубком разноцветных и разномастных труб с вентилями, торчащими из каждого квадратного метра.

Одна из больших бочек была грубо вскрыта непонятно чем — в ее боковине зияла огромная дыра, а кусок обшивки, то ли вырванный, то ли выгрызенный, валялся рядом. Возле бочки, в которой что-то плескалось, отсвечивая ядовито-зеленым на стенки, стояло полтора десятка человек, или, вернее будет сказать, реадизайнеров. Один из них стоял, подняв руки, и вытянув их прямо в сторону вскрытой бочки. Я моргнул, на мгновение глядя сквозь веки и убедился в том, что от кончиком пальцев в цистерну тянутся нити праны.

Реадизайнер что-то делал с водой. Как-то изменял, наверняка, чтобы отравить весь город, или как минимум огромную его часть, ведь водоканал снабжает весь город!

Вот почему они напали! Их целью был не террористический акт как таковой, не страх, который он посеет, и не разрушения, которые они причинили там, наверху — это все лишь отвлекающий маневр, призванный оттянуть на себя внимание от реальной проблемы — от отравленной воды! Ведь когда жители в городе начнут умирать непонятно от чего, почти все они будут уже отравлены, а кто еще нет — обязательно отравится за то время, что будут искать источник отравы!

Но как мне им помешать? Пока что меня не заметили, но у меня есть только несколько секунд, пока за моей спиной не возникнет шумная толпа моих реадизайнеров, которые неминуемо привлекут внимание заговорщиков. А что потом? Наверняка они просто закроют своего отравителя всеми щитами, какими только получится, ведь не в их интересах будет вступать в бой — все, что им надо, это просто дать ему закончить начатое!..

Закончить начатое...

Закончить...

А ведь это может сработать!

На мгновение обернувшись и поняв, что моя группа уже почти подошла, я вскинул левую руку, формируя в ней лук, и правую, доставая из воздуха стрелу.

Теперь главное, чтобы я все правильно понял. Чтобы я все правильно рассчитал. Потому что, если нет — мне будет очень сложно объяснить все произошедшее Арбитру...

Натянув лук и прицелившись, я пустил точно в спину врагу, целясь под левую лопатку. Точно в сердце.

Глава 3. Пат

Стрела пробила врага навывлет, прошивая сердце и обрекая реадизайнера на смерть в течение нескольких секунд.

А чтобы эти секунды прошли как можно быстрее, стрела исторгла из себя прановый заряд, заключивший противника в купол, изменяющий время внутри себя. Точно такой же купол, как и все те, которыми я пользовался до этого. С одной лишь разницей — этот экземпляр не замедлял время внутри себя, а наоборот — ускорял.

Вспомнив досконально, как я располагал прану в наконечнике, чтобы сотворить купол, я сделал ровно наоборот. Я не стал наполнять ею наконечник, для того, чтобы потом спрессовать потом в одну точку, а наоборот — влил максимальный объем в границы наконечника, оставив сердцевину пустой.

И это сработало. Человек после смертельного поражения сердца живет шесть-семь секунд, если не оказать ему мгновенную помощь.

Моей цели хватило одной секунды. Еще никто из заговорщиков не успел понять, что происходит, не успел меня заметить, не успел даже обернуться, а реадизайнер, пытавшийся отравить воду, уже успел схватиться одной рукой за грудь, ею же попытаться вытащить из себя стрелу, и наконец упасть замертво.

И все это время из его свободной руки продолжала литься

прана, исчезая во вскрытой бочке.

Привычного выброса, которые я уже привык проглатывать, словно необходимое для лечения снадобье — не было. Прана продолжала литься из пальцев заговорщика в бочку, причудливо изгибаясь по пути.

Я опустил лук, глубоко вдохнул и закрыл глаза, глядя сквозь веки на то место, где лежала мертвая Дон Йен. Последние капли праны из ее тела перетекали в бочку, которая уже сияла накопленными запасами, как новогодняя елка. Прана уже не помещалась в ней, бочка трещала по эфемерным, не существующим в реальности, как не существовало для праны дырки в боковине, швам, но продолжала и продолжала наполняться.

И наконец от нее по земле прокатилась волна голубой праны, словно кто-то кинул камень в озеро.

Все это заняло не больше секунды реального времени, и за моей спиной как раз раздались громкие шаги моей группы, которая нагоняла меня.

И все присутствующие в зале обернулись на эти шаги. И только сейчас увидели убитого.

— Мэйли! — ахнул один из них, кидаясь к убитому, а, вернее, к убитой, как сейчас стало видно. — Какого хрена?!

— Эй, что за дела?! — подал голос кто-то другой. — Вы кто еще такие?!

Тот, который побежал к убитой, и быстро проверил ее пульс, поднял голову и сосредоточил на мне взгляд:

— Этот сукин сын! Я его знаю, это ублюдок Ратко, лучник сраный!

Я молчал, не отвечая ни на оскорбления, ни на ругательства в свой адрес. Я ждал.

— А с ним кто?! Кто это такие?!

— Явно не друзья. — процедил один из заговорщиков — рыжий и веснушчатый. — Я вижу среди вас оранжевую прану. Файерс?

— Файерс, Файерс. — издевательски проблеял из-за моей спины знакомый голос Филиппа. — Я смотрю, Стэн, ты так и не отказался от своей привычки обижать тех, кто послабее!

— Филипп! — мгновенно побледнел рыжий. — Сука, я твой голос даже в гробу узнаю!

— А вот про гроб это я могу тебе обеспечить. — процедил Филипп, и моего уха коснулось приглушенное звяканье крышки зажигалки. — Ублюдок.

— Так вы что, пришли сюда, чтобы остановить нас?! — хмыкнул заговорщик-пиромант, быстро беря себя в руки.

— Если ты не заметил, очень даже остановили. — в тон ему ответил кто-то еще, я не видел кто. — Осталось разве что рожи вам начистить... Ну или действительно — в гробы положить.

— Да? — Стэн посмотрел на меня взглядом, похожим на тот, которым мясник смотрит на корову. — Молодцы, остановили. Убив одного из наших. В городе. Да у вас совсем мозгов нет!

И, едва только он это сказал, по глазам резанула яркая вспышка, настолько ослепительная, что мне пришлось зажмуриться, а, когда я открыл глаза, то увидел, что действующих лиц в нашей пьесе прибавилось.

Между нами и заговорщиками появилась новая фигура — висящий в воздухе черный балахон с оборванными краями, внутри которого ничего не было. Вернее было — там была абсолютная тьма. Будто человека ножницами вырезали из мироздания, оставив вместо него зияющую дыру, и накинула на него сверху драный балахон, чтобы хоть как-то прикрыть получившееся непотребство. И, так как ног у получившегося непотребства не было тоже, вместо того, чтобы стоять, балахон парил над полом, слегка покачиваясь вверх и вниз.

Арбитр пожаловал по мою душу.

— Клан Колесниковых, Линия Времени. — раздался откуда-то, непонятно откуда, будто отовсюду сразу, целый хор голосов. — Клан Дон Йен, линия Воды. Замечена агрессия со стороны клана Колесниковых, Линии Времени, в сторону члена клана Дон Йен, Линия Воды. Субъект, в сторону которого была направлена агрессия, объявлен мертвым. Серж Колесников, вам дается последнее слово, после чего вы будете стерты из реальности.

За спиной у меня кто-то горестно вскрикнул, а потом раздались громкие перешептывания, в которых угадывались слова «Арбитр» и «идиот».

Я еще раз посмотрел сквозь веки на пол, на то, как вол-

на голубой праны перехлестывает через ботинки и катится дальше, и с облегчением открыл глаза:

— Я в своем праве. Агрессия проявлена в месте силы, а, значит, меня не за что судить. Я не нарушил Кодекс.

Шепот за спиной стих, сменившись потрясенным молчанием. Могу поспорить, что сейчас все реадизайнеры в этом зале, каждый на свой лад, смотрели на бочку, убеждаясь в том, что она пульсирует отобранной у Дон Йен праной.

Я был в своем праве. И дело даже не в том, что я был в своем праве с точки зрения Арбитра, дело в том, что я был в своем праве с моей собственной точки зрения. Весь этот Кодекс, написанный грязью на туалетной бумаге, дырявый как решето, и, по сути, не запрещающий никому и ничего, если уметь читать между строк и пользоваться ситуацией, вообще не должен был существовать. Его просто незачем было придумывать, и тот, кто все-таки его придумал, наверное, был очень тупым, раз сделал его настолько многосмысленным, что его можно толковать в любую сторону!

— Агрессия была проявлена в тот момент, когда места силы в этой точке пространства еще не существовало. — своим удивительным многоголосым хором не согласился Арбитр, не сдвигаясь, однако, с места.

Даже одно лишь то, что он сказал хоть что-то, уже было хорошим знаком. Я не перестал существовать прямо здесь и сейчас, а, значит, у блюстителя Кодекса тоже появились сомнения в собственной правоте.

Это мне и нужно.

— Место силы появилось в этой точке пространства точно в тот же момент, когда погибла Дон Йен. — сохраняя спокойствие, продолжил я. — Ни раньше, и ни позже.

Если это существо назвали Арбитром, значит, он не просто выполняет чью-то волю, он и есть эта воля. Он сам решает, кого карать, а кого миловать, а это значит, что его можно переубедить. Ему можно доказать, что он не прав, или, как минимум — что он видит не всю ситуацию.

— Серж Колесников, вы манипулировали временем для того, чтобы создать приемлемые для себя условия. — в голосе Арбитра словно бы даже какое-то осуждение послышалось. — В относительном времени для Дон Йен место силы появилось через семь целых двадцать семь сотых секунды после поражения вашей праной.

— В относительном времени для всего остального мира это произошло одновременно. — я перевел разговор в удобное для себя русло. — А Кодекс регулирует именно взаимоотношение реадизайнеров в реальном мире, в человеческом. Не так ли? Кодекс не регламентирует взаимоотношения между реадизайнерами, он направлен лишь на то, чтобы защитить от последствий этих взаимоотношений простых людей.

Я блефовал, разумеется. Я понятия не имел, что и как регламентирует Кодекс хотя бы потому, что так и не удосужился его прочитать. Но я руководствовался уже известными

ми мне фактами и элементарной логикой.

Надеюсь, что Арбитр тоже пользуется ею.

Надеюсь, что он вообще знает такое слово, как «логика».

— Да, это так. — помедлив, согласился Арбитр.

Я мысленно выдохнул с облегчением и продолжил:

— В таком случае, не имеет значения личное время редадизайнера. По времени окружающего мира атака на Дон Йен была произведена одновременно с появлением здесь места силы, а это значит, что я в своем праве.

— Эй, что за бред?! — возмутился кто-то из заговорщиков за спиной Арбитра. — Что значит «одновременно»?! Как оно может быть одновременно, если именно смерть Мэйли и стала причиной появления здесь места силы?! Причиной, понимаете?! Причина всегда идет перед следствием!

— А вот и не обязательно! — возразил ему кто-то за моей спиной. — Квантовая запутанность с тобой не согласна! Если изменить спин одной квантово-запутанной частицы, то спин второй изменится моментально! Моментально, то есть без малейшей задержки! Несмотря на то, что это тоже следствие, у которого есть своя причина!

— Какие нахера частицы?! Что вы несете?! Хватит выгораживать своего малолетку! Пусть отправится следом за Мэй, пусть ответит за свои действия! Хватит прятаться за демагогией!

— Я тебе, сука, сейчас демагогию в жопу засуну!

— Молчать.

Одно-единственное слово, то ли произнесенное, то ли когда-то составленное из грохота водопада, рева грузовика и вопля атакующего дарга, а сейчас воспроизведенное Абритром, моментально заткнуло всех присутствующих. Не просто заткнуло — оборвало на корню все разговоры, придавило все звуки, как попавших в мышеловку мышат. В подвале водоканала повисла такая тяжелая и мертвая тишина, что стало слышно, как внутри толстых многочисленных труб льется вода.

Арбитр молчал долго. Для меня, чью судьбу он сейчас, решал — долго. Для всех остальных, наверное, прошло не больше трех секунд.

Для меня — целая жизнь.

— Серж Колесников, обвинения в вашу сторону снимаются. — наконец проговорил Арбитр своим обычным, насколько его можно назвать «обычным» голосом. — Агрессия в сторону Дон Йен признается правомерной. Образование нового места силы признается правомерным.

— Что за чушь?! — снова завопил Стэн. — Он виновен! Виновен в убийстве! Вероломном убийстве, понимаете?! Я требую дуэли!

Арбитр моментально повернулся к нему. Даже не то чтобы повернулся — он просто стал повернутым в другую сторону, словно момент разворота кто-то вырезал с пленки мизроддания монтажными ножницами.

— Клан Файерс, линия Огня. В дуэли отказано. В данный

момент вы находитесь в месте силы, где ограничения Кодекса снимаются. Вы можете использовать для дуэли это место, если ваше желание действительно имеет место быть. При выходе во время дуэли за пределы места силы вы будете снова подвергнуты арбитражу, в процессе которого вы вправе потребовать организации дуэли от Арбитра. Напоминаю вам о необходимости соблюдения Кодекса, Линия Огня. Напоминаю вам о необходимости соблюдения Кодекса, Линия Времени. Кодекс неукоснителен.

Ага, неукоснителен. Неукоснителен, но дыряв как башмаки, которые я носил в пять лет. Тот, кто писал этот Кодекс, будто бы специально сделал все так, чтобы его можно было трактовать как можно большим количеством способов. И, коль скоро этим занимаются другие реадизайнеры, придумывая способы убивать людей так, чтобы за ними не пришел Арбитр, то почему бы тем же самым не заняться мне?

Разница лишь в том, что я импровизировал и действовал по наитию, ведомый, как всегда, интуицией.

И, как всегда, она привела меня именно туда, где я и хотел бы оказаться.

Арбитр исчез. В первый раз, когда я его видел, он исчез моментально — просто перестал существовать там, где находился мгновением ранее. Наверное, точно так же перестал бы существовать и я, если бы потустороннее существо решило, что я виновен — просто раз, и нет Сержа Колесникова.

В этот раз он картинно растворился в воздухе, постепенно

теряя прозрачность, словно грозя нам в назидание пальцем, словно пытаюсь напомнить о том, что он за нами следит. Как строгая мамочка своим детишкам.

Я проводил его взглядом, а потом перевел его на кучку заговорщиков напротив нас. Они тоже во все глаза наблюдали за исчезновением Арбитра, и, едва он пропал, тоже посмотрели на нас.

— Ну, что? — усмехнулся я, найдя глазами рыжего Файерса, который так громко требовал дуэли со мной. — Ты там вроде дуэль хотел? Можно и дуэль. Только вот не обещаю, что мои друзья за меня не впишутся. Впрочем, твоим я бы тоже доверять не стал — вы же любите толпой слабых убивать... Не так ли?

— Ты ни хрена не знаешь. — процедил Стэн Файерс, сжимая кулаки. — Все эти слабые, слабы лишь пока их мало! Пока у них нет оружия! Пока они не пригнали свою армию! Они слабы, лишь пока мы им нужны! А как только нет — они от нас избавятся!

— И поэтому ты решил избавиться от них раньше? Ты умеешь заглядывать в будущее? Ты знаешь, что и как будет? И самое главное — ты что, считаешь себя вправе вершить чужие судьбы?! — сквозь зубы процедил я, сжимая кулаки тоже.

— Я же сказал — ты ни хрена не знаешь. — грустно вздохнул Файерс и покачал головой. — В этот раз вам повезло, но больше не вставайте у нас на пути. Растопчем и не заметим.

Если вы не собираетесь присоединиться к нам, то не мешайте. Иначе с вами будет то же самое, что и с людьми.

— И это говорит мне тот, кто испугался провести дуэль, которую сам же и требовал! — как можно более ядовито усмехнулся я.

Файерс снова окаменел и сжал зубы так, что скулы выступили под кожей. Еще секунда — и он бы бросился на меня, не выдержал, но тут ему кто-то из заговорщиков положил руку на плечо и что-то тихо шепнул на ухо.

В ту же секунду за спинами заговорщиков раскрылся зев портала, и они шустро стали в него нырять.

— Мы вас предупредили. — снова сказал Файерс, ткнув в меня пальцем, после чего развернулся и шагнул в портал самым последним.

Что ж, я спас водоканал. Спас город. Выкрутился из ловушки Кодекса, взведенной Арбитром.

Но это еще не все. Я могу сделать кое-что еще. Чувствую, что могу. Знаю, что могу. И из всех здесь присутствующих это могу только я один.

А даже если бы и не один — я все равно бы не стал никого с собой брать. Слишком велики шансы не вернуться.

— Проверьте воду. — бросил я через плечо остальным и побежал вперед, к смыкающейся воронке портала заговорщиков.

— Стой! — завопила мне вслед Ника, но я не слушал. Мне некогда было слушать. Если я сейчас остановлюсь хотя бы

на мгновение, я пойму, какую глупость я собираюсь сделать. И это действительно может меня остановить.

Я ухватился руками, засиявшими когтями из чистой праны на кончиках пальцев, за края уже почти сросшегося портала, рванул их в стороны, снова раскрывая устье, снова насыщая канал праной, снова заставляя портал жить, и нырнул следом за заговорщиками.

Глава 4. Чужой портал

Конечно же, было бы глупо рассчитывать на то, что портал приведет меня прямо в логово заговорщиков. Как и мы, они знали о существовании машины для вскрытия порталов, или вернее даже будет сказать — мы знали, как и они, ведь они узнали еще раньше, чем мы. Так или иначе, в этот раз они тоже использовали несколько переходных точек, в которых открывали порталы последовательно, чтобы максимально запутать управления, если те надумают их преследовать.

Судя по тому, что Юля упоминала нехватку времени, из-за которой управление не смогло открыть порталы дальше второго, их машина действует не сразу, ей нужно время, чтобы сделать свое дело. Не знаю, сколько именно времени — мне так и не выпал шанс понаблюдать за искусственными открытием портала, ведь я при своем побеге от управления порталов не использовал, — но сколько-то точно требуется.

А мне — нет.

Поэтому никто из заговорщиков не ожидал и даже не предполагал, что у них в тылу может появиться кто-то недружелюбный.

Когда я вышел из портала, внутренне готовый сразу и бежать и сражаться, оказалось, что ни того, ни другого делать не нужно. По крайней мере, не прямо сейчас.

Все заговорщики стояли, развернувшись в одном направ-

лении — в направлении еще одного портала, несущего по кругу потоки праны в каких-то пятнадцати метрах от меня. Редизайнеры выстроились в колонну по одному, глядя друг другу в затылок, и организованно, будто солдаты на параде, шагали в портал. Каждый следующий ждал пару секунд, — видимо, чтобы не столкнуться на выходе с предыдущим, — и шагал тоже.

Я быстро осмотрелся, чтобы хотя бы иметь представление о том, где нахожусь. Даже не для того, чтобы понять, как отсюда выбраться, если что-то пойдет не так — нет, этот путь для меня явно закрыт, ведь портал за моей спиной закрылся окончательно, а открывать свои собственные я пока еще умел.

Информацию я собирал совсем для другого. Мне нужно было понять, что такого особенного в этом месте, что заставило заговорщиков открыть портал именно сюда?

Еще когда Персефона рассказывала о том, как собрала группу взрослых редизайнеров по одному, находя их в различных местах по всему миру, меня зацепила фраза, которую она употребила — «В моей памяти много мест, в которых я могла бы встретить уцелевших редизайнеров.»

Еще тогда у меня в голове поселилась мысль о том, что открывать порталы можно только в места, в которых ты уже бывал или которые хотя бы себе представляешь. Даже когда Персефона переместила нас в переулок во время похода в магазин, она ведь перед этим выглянула через щель в занавеске.

весках на улицу, чтобы посмотреть, как этот переулочек вообще выглядел. Стало быть, реадизайнеру для открытия портала необходим какой-то ориентир на том месте, в котором он создаст выход. Нельзя открыть портал «куда-то», нужно хорошо понимать место, нужно за что-то «зацепиться».

Но за что они зацепились здесь? Это же пустошь. Вокруг только набившая оскомину растрескавшаяся земля, пылящая пересушенным грунтом, редкие разбросанные валуны и парочка корявых тонких ломких деревьев без листьев.

Совершенно ничем не примечательное место. Пройдись по пустоши на своих двоих, и за час прогулки встретишь десяток точно так же мест. Чем же так примечательно именно это?

Надо выяснить. Надо догадаться. Если я смогу понять, по какому принципу заговорщики открывают свои промежуточные порталы, то очень вероятно, что мы сможем очень быстро найти их базу. Ведь в моей группе тоже есть свой машина для открытия порталов, только вот что-то мне подсказывает, что она открывает их мгновенно, да еще и в течение гораздо большего промежутка времени, нежели один час.

Но это план на будущее, про запас. На случай, если не выгорит основной, ради которого я сюда и отправился.

Пока я осматривался, почти все заговорщики уже скрылись в портале, здесь остались только пятеро, среди которых был и тот, кто интересовал меня больше всех. Рыжую макушку Файерса, стоящего последним в очереди, сложно бы-

ло не заметить, даже если бы мне был нужен не он.

Но мне был нужен именно он. То ли самопровозглашенный, то ли демократично выбранный командир отряда заговорщиков, который активнее всех требовал, чтобы меня судили. А когда ему отказали — аж потребовавший дуэли.

Что ж, да будет дуэль.

Но на моих условиях.

Марк меня запихнул в Пустоту легко и играючи — просто толкнул и я уже там. Словно бы он каким-то образом открыл разрыв у меня за спиной, и я в него просто упал.

Я так не умею, а учиться сейчас явно не лучшее время.

Поэтому я подкрался к Файерсу сзади, и отработанным движением дернул его за плечо, одновременно наступая под колено правой ноги.

Не существует человека, который сможет на это отреагировать, если только он не находится в состоянии готовности. Абсолютно все падают. Некоторые падают правильно, превращая падение в перекат, а то и просто переворачиваясь на спину и выставляя перед собой оружие, выигрывая время на реакцию и просчет ситуации...

Но главное — падают все.

А конкретно Файерс еще и падать не умел. Он просто взмахнул руками и повалился назад, даром что был на голову выше меня и на пару десятков килограммов тяжелее.

А у него за спиной уже зиял пространственный разрыв, который я открыл одновременно с рывком.

— Какого?! — только и успел изрыгнуть Файерс, прежде чем кануть в Пустоту.

Заговорщики, которые еще оставались по эту сторону портала, нервно обернулись на этот вопль, и их брови одновременно удивленно поползли вверх, едва только они увидели меня.

— Ты... — выдохнула одна из девушек. — Ты что... Где Файерс?!

— Простите. — насмешливо поклонился я. — Вы не должны были это видеть. Такого в плане не было.

В глазах девушки вспыхнула ненависть, лицо исказила гримаса злобы:

— Сукин сын!

Не дожидаясь, когда она вскинет руки и отправит в меня что-нибудь убойное, я шагнул в разрыв вслед за Файерсом.

Могильный холод уже привычно, и чуть ли не приятно окутал меня, свет потемнел, звуки притухли. Я обернулся, раздумывая, как бы закрыть за собой разрыв в пространстве, чтобы никто не додумался нырнуть следом за нами, но его на месте уже не было — видимо, он закрылся, едва только я шагнул сюда.

Вот и славно. Меньше мороки.

Файерс уже был на ногах. Здесь, в мире разрушенных до основания руин, пылящих на потустороннем ветру, в мире тусклого, будто светящего со дна бутылки, солнца, он пылал ярко-оранжевой праной, как путеводный факел в болотном

тумане — совершенно чужеродный этому миру. В его руке, в ярко-рыжих прановых когтях, клубился сгусток пламени, а лицо скрывали языки пламени, будто он надел маску, облитую бензином, и поджег ее.

— Ты, мать твою, кто?! И что ты, мать твою, сделал?!

Он что, ослеп? Или, может, на него так непонятно повлияло перемещение в Пустоту, первое в его жизни? И единственное, скорее всего...

Ах да, я же тоже здесь в маске. Он не успел увидеть моего лица, и сейчас видит перед собой лишь оскаленную дьявольскую морду... Наверное. Сам-то я себя не видел, нет здесь зеркал, увы.

Я поднял взгляд на Файерса и ухмыльнулся, надеясь, что маска передаст эмоцию:

— Неважно, кто я. Важно, какой у меня план.

— План? — не понял Файерс. — Ты что несешь?

— Я бы сказал, что я несу истину и добро... Но это не будет правдой.

Я сам с трудом понимал, что несу. На самом деле, это было совершенно не важно. Даже наоборот — если уж я сам не понимаю, что несу, то Файерсу точно не суждено допереть. А мне ведь именно это и нужно. Чтобы он как можно дольше охреневал с происходящего, держа на руке этот огненный шарик, который отдавал в Пустоту не только и не столько свет и тепло, сколько прану.

Файерс совершенно ничего не знал о Пустоте. Я тоже о

ней ничего не знал, но между «совершенно не знал» и просто «не знал» есть крошечная разница, и именно на ней я и собирался сыграть. Пока Файерс думает, что контролирует свою прану, на самом деле он ее отдает в Пустоту, теряет ее, лишается. В то время как я не проявляю агрессии, не трачу лишней праны. Я просто тяну время, ожидая, когда Файерс истощится. Когда он поймет, что огонь ему больше не подчиняется, да что там — он его даже породить не может. Когда он поймет, что через минуту Пустота высосет его досуха. Когда до него дойдет, что вывести его отсюда может только тот, кто его сюда привел — я.

Но сделаю я это не раньше, чем он ответит на мои вопросы.

Конечно, можно было заставить его расстаться с праной и другим способом — спровоцировать его на атаку. Заставить его как следует выложиться, во всех смыслах этого слова. Но это был рискованный ход — в конце концов, Файерс был и остается взрослым, обученным и от того — опасным, — реадизайнером. Банально нет никакой гарантии, что я действительно смогу пережить даже первую его атаку, ведь здесь даже укрыться негде.

Нет уж, в этот раз я лучше воспользуюсь тактикой Марка — той, что он пытался применить против меня. Для полного соответствия мне бы научиться технике его непробиваемого щита, но чего нет, того нет.

Буду пытаться воспользоваться другим щитом. Словес-

НЫМ.

— Погоди-погоди... — недоверчиво протянул Файерс. — Мне твой голос кажется знакомым.

— Тебе кажется. — тут же соврал я. — Откуда мы можем быть знакомы?

— А это уже ты мне скажи! Это же ты меня сюда затащил! Ведь ты же?!

Я пожал плечами:

— Нет, конечно!

— А кто тогда?!

— А я откуда знаю?! — я постарался вложить в свои слова максимум удивления. — Ты просто вывалился на меня и все!

— Что значит «вывалился»? Так, стой, мы вообще где? Место какое-то знакомое...

Файерс принялся недоверчиво озираться, не туша, однако, шарик огня в руке. Прикрыв глаза, я с удовлетворением наблюдал, как Пустота жадно высасывает из него прану тонкими нитями. Словно в коктейль, налитый в круглый бокал, целая стайка девчонок вставили сразу два десятка трубочек и теперь радостно высасывали его наперегонки.

— Руины, ветер... Холод... — произнес Файерс, медленно поворачивая голову справа-налево. — Что-то такое я слышал... Ратко, кажется, рассказывали. Про свою высшую технику. Как она там? Пустота, кажет...

Не договорив, Файерс бросил короткий взгляд на свою руку и резко сжал кулак, гася огонек:

— Ах ты сука! Ты затащил меня сюда, чтобы лишиться праны! Надеялся, что я буду тупить достаточно долго для того, чтобы меня истощило! Потому и нес всякую чушь, чтобы тянуть время!

Что ж, это не могло продолжаться вечно. Жаль только, что закончилось это слишком рано — Файерс все еще был полон праны и желания применить ее по назначению.

— Да, ты меня раскусил. — признался я. — Это я тебе сюда затащил и именно за тем самым.

— А я и голос твой узнал! — завопил Файерс. — Ты тот самый... Как его... Стреломант! Ты что, следил за нами?!

— Вроде того. — снова признался я. — И мне от тебя кое-что нужно?

— Надеюсь, снап плазмы в морду? — угрожающе произнес Файерс, сжимая кулаки. — Легко обеспечу!

— О нет, нет, — я замахал руками. — Мне всего-то нужно, чтобы ты рассказал мне, где находится ваше... Логово, назовем его так. Место, в котором вы находитесь между своими вылазками.

— Логово? — усмехнулся Файерс. — Ну допустим даже, я расскажу, а дальше что?

— Тогда я тебя отсюда выпущу. — я пожал плечами. — А без меня ты отсюда не выберешься и все равно рано или поздно Пустота тебя поглотит, предварительно опустошив.

Файерс несколько секунд молчал, словно раздумывая, а потом резко разжал кулак, в котором вспыхнул огонек:

— Я предпочту вариант со снопом плазмы!

Вот же сукин!..

Делать-то что?! Как защититься от пламени?! Стрелой в него не выстрелить — пролетит насквозь, поставить на его пути купол — а где гарантия того, что сработает, ведь огонь не материальный объект?!

Делать что?!

Все, что я успел — это вскинуть и выставить перед собой руки со скрюченными пальцами. Прановые когти засияли, когда я влил в них дополнительный заряд, а потом я рванул сверху-вниз, открывая проход во внешний мир!

Интуиция снова не подвела меня — у разрыва не было лицевой и изнаночной сторон, он существовал и там и там сразу, и поэтому сноп пламени, летящий прямо в меня, угодил в проход, вырываясь наружу, в реальность!

Но был и большой минус — я понятия не имел, как его закрыть, не пройдя через него! А если я пройду, а потом вернусь — где гарантия того, что я вернусь туда еж и на то же место?! Ведь Персефона говорила, что Пустота каждый раз разная!

По сути я просто своими руками открыл для Файерса дорогу наружу!

И он тоже это понял — радостно взревев, он сорвался с места, и побежал на меня, выставив вперед плечо! Воздух, или само пространство перед его выставленным плечом будто бы раскалился, нагрелся и загорелся, обтекая Стэна мощ-

ным потоком, угрожая обуглить, сжечь все, что его коснется!

Все ясно — лучше его в таком состоянии не трогать, это что-то вроде огненного щита, под прикрытием которого Стэн собирается добраться до разрыва и выбрать нару...

Щита!

Персефона говорила, что Колкий щит останавливает в своем объеме даже время. Наверное, на этом и основана его абсолютная неразрушимость — ведь я уже на своем примере выяснил, как тяжело взаимодействовать с объектами, которые замедлены относительно меня.

А уж что-что, а замедлять время я умею. Эти купола я ставил уже кучу раз, надо всего лишь взять заряд праны побольше...

Нет, стоп, не так. Чтобы замедлить время в куполе, я нагонял прану в наконечник и трамбовал ее там в плотную бусину, а количество праны лишь регулировало время существования купола. Для того, чтобы наоборот ускорить время, я делал наоборот — оставлял пустым центр наконечника, разгоняя прану по углам.

Значит, чтобы остановить время, надо влить прану равномерно. И не в наконечник, которого нет, а прямо в пространство.

Что-то похожее я уже делал, когда мы с Аминой убежали от скопий — я поставил барьер на их пути из праны, из многих слоев праны. Но тогда это была всего лишь прановая конструкция, причем поставленная на последние силы,

а сейчас...

А сейчас я закрыл глаза, и, стараясь не отвлекаться на летящий на меня сгусток яростной праны с пылающим факелом вместо лица, посмотрел на свои пальцы. Их кончики сияли ярко-фиолетовым, наполненные праной до последней молекулы, готовые к работе.

Колкий щит. Интересно, почему он обязательно должен быть колким? Почему он не может быть ровным? Как зеркало? Разве так не проще?

Наверное, нет, иначе делали бы так, как проще. Наверное, так диктует рабочее тело.

Во мне течет кровь Ратко. Пространство — мое рабочее тело.

Я надавил на воздух, как надавил бы на кнопку, только позволяя пране растекаться в стороны от пальца, как чернила по мокрой бумаге. Не следя за ней, не ограничивая ее — на одной лишь интуиции. Как всегда.

И пространство треснуло под моим пальцем, как трескается на луже тонкий лед ранней весной. Прямо в воздухе появилась едва заметная трещина, по-другому искажающая падающий на нее свет.

И тогда я, не открывая глаз, надавил уже обеими руками, словно пытаясь то ли отжаться от невидимой стены, то ли отбросить от себя кого-то несуществующего!

И пространство передо мной послушно треснуло, раскололось и поползло множеством трещин, которые в одно

мгновение покрыли площадь в добрых два квадратных метра и перекрыв Файерсу путь к разрыву!

Огненный щит столкнулся с колким, и последний победил. Файерс грянулся плечом в щит, громко взвыл от боли и отлетел назад.

— Это что за шутки?! — разъярился он, поднимаясь на четвереньки. — Сука, выпусти меня! Выпусти меня! Я сказал выпусти меня, сопляк!

С каждым новым словом он свирепел все больше, его прановое тело раскалялось все больше, и под конец он уже стал швыряться в меня сгустками огня, прямо с земли!

Но все они бесславно разбились о щит, от которого я все еще не рисковал отнять руки, хотя и понимал, что он уже не тянет из меня прану — он существует самостоятельно.

— Я! Тебя! Убью! — бессильно вопил Файерс, продолжая швыряться огнем. Его прановое тело все больше тускнело и угасало, и спустя буквально минуту он наконец выдохся. Прекратил швыряться огнем, и бессильно откинулся на спину, развалившись на спину как морская звезда. Праны в нем осталось совсем немного, и сейчас, наверное, лучшее время, чтобы попытаться склонить его к сотрудничеству.

Не зная, как убрать Колкий щит, я оставил его на месте, обошел его и присел рядом с Файерсом, на всякий случай готовый вскочить и дать отпор.

— Ну что, утомился? — участливо поинтересовался я. — Теперь поговорим?

— Поговорим обязательно. — раздалось у меня за спиной. — Но только не с ним, а со мной.

Глава 5. Рукопашник

Сказать, что я напрягся — значило очень, очень сильно меня похвалить. Всего двух коротких фраз оказалось достаточно для того, чтобы по спине побежали зябкие мурашки, причем вовсе не от холода Пустоты. Я-то был уверен, что здесь, за подкладкой реальности, я недосыгаем и неуязвим ни для кого, кроме Файерса... Ну, того Файерса, который был еще полон сил и праны.

А оказалось, что моя неуязвимость — дутая, как шаровары низинских танцовщиц.

Оказалось, что кто-то способен ворваться туда, куда ворваться практически невозможно, да еще и сделать это так, чтобы оказаться в конкретной точке этого практически невозможного, что само по себе невозможно уже полностью. Персефона же прямым текстом говорила, что Пустота каждый раз другая, и нельзя попасть в одну и ту же ее точку, войдя два раза подряд.

Хотя, если вспомнить, как Марк усиленно тянул время, потому что ему нужно было закрыть все возможные точки входа — получается, все же можно войти в Пустоту туда же и тогда же, как и кто-то, кто уже в ней находится... Так, что ли?

Вот черт, я же сам оставил открытым разрыв, через который выпустил наружу пламя Файерса! Я же его так и не закрыл, и он до сих пор сияет черно-фиолетовыми краями у

меня за спиной! Прикрытый Колким щитом, да, но отнюдь не закрытый!

А это значит, что технически у меня за спиной сейчас может стоять кто угодно! Мало кто может открыть разрыв в Пустоту, но вот сигануть в уже имеющийся способен кто угодно, у кого хватит на это духу.

Но что-то мне подсказывает, что я знаю, кто конкретно стоит у меня за спиной. Если не за спиной и не по имени, то как минимум по фамилии. Только один род в этом мире, попав в Пустоту, может разговаривать таким спокойным тоном. Хозяйским тоном.

Потому что в какой-то степени они и были здесь хозяевами.

А, когда я медленно отошел от Файерса, не поворачиваясь к нему спиной, но так, чтобы боковым зрением увидеть и нового участника нашего спектакля, оказалось, что я все же знаю его. И в лицо знаю. И даже по имени. И даже пылающая фиолетовая маска демона была не помехой идентификации.

Горящая бледно-фиолетовым сигма в виде двух распахнутых крыльев на шее новоприбывшего говорила сразу обо всем.

— Хм... — я напряг память, вытаскивая из нее его имя. — Виталий?

— Не имею чести. — холодно ответил Ратко, не двигаясь с места. — Впрочем, это и неважно.

Нас все еще разделял Колкий щит, который я так и не при-

думал, как убраться. Виталий тоже не торопился с ним ничего делать — стоял и оценивающе глядел на меня сквозь него.

Воспользовавшись ситуацией, я тоже осмотрел его с головы до ног, подмечая несколько очень неприятных деталей.

Виталий был одет не так, как остальные Ратко, которых я видел. Те одевались щегольски, пытаясь выделиться и привлечь внимание если не ценой своих шмоток, то, как минимум, их необычными сочетаниями с прочими элементами внешности. Глухой черный плащ Марка в совокупности с короткими кустистыми дредами, строгий набор из пальто и брюк, украшенный высокими военными ботинками Чингиза, или вырвиглазное сочетание синего и кислотно-зеленого в одежде Бернарда — вся это троица будто бы поставила перед собой задачу победить на местном конкурсе фриков.

А вот Виталия, кажется, о конкурсе предупредить забыли. Потому что одет он был просто, без изысков, и, я бы сказал — утилитарно. Облегающая плотную, но не жирную, а именно плотную, фигуру, футболка с коротким рукавом не позволяла толком за нее ухватиться и использовать как рычаг при броске. Немного мешковатые штаны с кучей карманов, подвязанные на уровне щиколоток, не стесняли движений и легко разрешали и прыжки и удары ногами в любой уровень. Высокие плотные ботинки, очень похожие на ботинки Чингиза, с толстой подошвой и длинной шнуровкой, отлично защищали не только стопы от камней и веток, но и пальцы от случайного удара выгнутым носком.

Виталий выглядел как человек, который каждую секунду готов к неприятностям, причем во всех возможных смыслах. Драка — значит, драка. Дарги — значит, дарги. Ночевка под открытым небом — значит, ночевка. Не удивлюсь, если у него по карманам штанов рассована куча всякой мелочевки, здорово помогающей в щекотливых ситуациях. Наши имперские рейнджеры носили такие же штаны, и в них все это было.

Еще одним неприятным открытием было то, что, в отличие от Марка, в отличие от меня, и, наверное, от всех прочих братьев Ратко, которых мне не довелось видеть в Пустоте, Виталий почти не терял праны. Глаза его маски не светились фиолетовым, и не оставляли в воздухе тающих полос при движении, как и пальцы, увенчанные когтями, собранными из такой плотной праны, что они казались вырезанными из дымчатого аметиста.

Виталий был стабилен. Настолько, насколько это вообще возможно в Пустоте. Кроме того, он зашел сюда, не тратя прану на открытие разрыва — он воспользовался моим, да и находился он здесь в разы меньше, чем я. Так что каким бы ни был его пранозапас, сейчас он должен быть залит под завязку, в отличие от меня. Так что даже если бы в теории я мог его пересидеть здесь, сейчас этому не бывать точно.

Виталий осмотрел меня и пришел, видимо, к похожим выводам, потому что перевел взгляд на Файерса и коротко командовал ему:

— Поднимайся.

— Как ты вообще нашел меня! — пробормотал Стэн, вставая с земли.

— Катя прислала. Когда увидела, что тебя отправили в Пустоту, быстро сообразила, что к чему, прыгнула в портал и сообщила мне. И я прилетел тем же порталом. — объяснил Виталий. — А теперь заткнись и шагай отсюда.

— С удовольствием. — пробормотал Стэн, делая шаг вперед.

Ага, значит, это Виталий делал те порталы, которыми перемещались заговорщики. Ну, вернее, те порталы, которые видел я, которыми пользовался я. Вряд ли в их рядах один только Виталий способен на такое, скорее всего, они поделились на разные группы, и мне выпал джек-пот — брат-проводник.

В какой-то степени это даже хорошо — он-то точно знает, где находится их логово, и, в случае опасности, если запаникует, то он вполне способен отправиться прямо туда, что меня, в общем-то, тоже устраивает.

Осталось только заставить его запаниковать. И вот как раз с этим возникнут трудности — он не похож на того, кого можно заставить паниковать.

Но я попробую.

— Тебе кто-то разрешал его отпускать? — я нахмурился.
— Мы еще не закончили.

— Детей не спросили. — коротко ответил Виталий, скла-

дывая руки на груди. — Когда он выйдет наружу, я и с тобой разберусь, выскочка. Хватит тебе уже землю топтать. Много зла ты натворил.

Я искренне изумился:

— Я?! На себя посмотри! Вы же шайка убийц!

— Сказал тот, кто убил трех моих братьев и неизвестно сколько еще других людей. — без тени насмешки, совершенно серьезно, ответил Виталий. — Чем же ты отличаешься от меня, весь такой господин правильный?

— Я не убиваю беззащитных. — не кривя душой, ответил я. — И невиновных.

На сей раз Виталий усмехнулся:

— Ребенок и есть ребенок. До сих пор думает, что есть какие-то виноватые и какие-то правые. Ты мне еще про добро и зло расскажи.

Я перевел взгляд на Файерса, который уже почти доковылял до ведущего наружу разрыва, и вскинул руки.

Стрела вонзилась пироманту в голень, и тут же исчезла, растворенная Пустотой. С воплем, полным боли, Файерс упал на землю и покатился, прижимая ногу к груди. Струйки крови из раны, вместо того, чтобы катиться по коже, и впитываться в ткань штанов, как им положено, непостижимым образом взмывали в воздух и замирали, будто наплевав на гравитацию. Пустота накидывалась и на них тоже — капельки прямо на глазах таяли, словно высыхали на жарком полуденном солнце.

Только вот солнце оставит от крови красную корочку, а Пустота не оставляла ничего.

Чтобы не тратить лишнюю прану, я сразу же после выстрела убрал лук и снова повернулся к Виталию:

— Я неясно выразился? Я его еще не отпускал.

— Да мне вообще насрать. — безэмоционально ответил Виталий...

И легким движением руки, словно комара отгоняя, смахнул в сторону мой Колкий щит!

Просто отбросил его, как будто тот состоял не из остановленного времени, а из смятого полиэтилена!

В следующую секунду его сжатые кулаки вспыхнули фиолетовым, а сам он исчез из поля зрения...

Чтобы через мгновение появиться сбоку от меня с занесенной в замахе рукой!

Ни разу до этого момента реадизайнеры не пытались атаковать меня напрямую — все больше праной да рабочими телами! Ничего удивительного, что я едва не пропустил удар, лишь в последний момент дернув голову назад, чтобы хорошо поставленный мощный боковой удар попал мне не в висок, включая из игры, а то и убивая на месте, а в скулу.

Ох, твою мать!..

В голову будто бы АГАТ на полной скорости въехал! Никакого другого сравнения в голову не пришло... Да хорошо что хотя бы какое-то пришло, потому что, по ощущениям, когда кулак Ратко врезался в скулу, моя голова дернулась так

резко, что половина мозгов вылетела через ухо!

Что-то громко хрустнуло — то ли пальцы Виталия, то ли мои лицевые кости... Надеюсь на первое.

Предполагаю второе...

Кое-как удержавшись на ногах, я присел, упал назад, перекатываясь через спину и разрывая дистанцию — хотя бы выиграть секунду времени, хотя бы собрать воедино раздробленное ракетным ударом сознание!..

Да где он вообще научился так херачить?! Очень четкий, мощный, хорошо поставленный удар в шаге и скручиванием от бедра... Да я даже в исполнении Юли не видел таких шикарных ударов, а она ведь училась специально, по каким-то хитрым методикам управления, не удивлюсь, если при этом её знания загружали прямо в мозг...

Но этот-то откуда умеет?!

Виталий не дал мне собраться с мыслями — атаковал снова, сократив дистанцию длинным шагом, едва я успел встать на ноги.

Его стиль боя, стиль передвижения были совершенно непонятны и незнакомы мне — он держал кулаки перед лицом, развернув их костяшками вверх, а шаги были длинными, но очень быстрыми, словно он перепрыгивал с места на место. При этом в стойке он стоял как камень — недвижимо и прочно, даже не качаясь с ноги на ногу. Никогда не видел ничего подобного — он словно боялся потерять контакт с землей, и даже не собирался использовать ноги кроме как

для перемещения.

Однако он использовал. Едва я вскочил на ноги, как Виталий еще одним быстрым шагом сократил дистанцию еще больше и атаковал неуловимым прямым ударом ноги в грудь. Он едва дотянулся, да плюс я еще провалился назад, поэтому ступня едва толкнула меня в грудь, но и этого было достаточно для того, чтобы я снова полетел на пол, на этот раз уже не успевая сгруппироваться.

Все, что я смог — подтянуть голову к груди, чтобы не приложиться затылком, и слегка понизить центр тяжести перед касанием.

А потом в спину ударила земля, выбивая из легких воздух, и я поплыл. Немного, ненадолго, всего на секунду, но Виталий не собирался давать мне и этой секунды. Угрожающе подняв левую ногу коленом почти к подбородку, чуть ли не касаясь поднятых в стойке кулаков, он опустил ее мне на живот резким ударом сверху-вниз. Словно кузнечный молот упал...

Я только и смог, что выдохнуть еще больше, сгибаясь в поясе, подтаскивая под себя ноги, и раздвигая их в стороны, чтобы вместо живота нога в тяжелом ботинке впечаталась в землю в паре сантиметров от моего хозяйства.

А потом... Ну, раз я уже сижу... И раз встать он мне не дает...

Чуть согнув ноги и оперевшись ступнями в землю, я швырнул свое тело еще дальше от Виталия, разворачиваясь

вправо и выкрадывая короткое мгновение свободного полета на то, чтобы вскинуть руку с появившемся в ней луком, и, пока моя позиция хоть как-то близка к лучной стойке, выстрелить в противника!

Махнув хвостом, фиолетовая стрела метнулась в лицо Виталия, но тот снова исчез со своего места, и через мгновение появился снова — в нескольких метрах от меня. Он по-прежнему стоял все в той же стойке, но уже почему-то не спешил нападать.

Если бы не маска на его лице, я бы решил, что он... удивлен? Поражен? Что-то из этого. Подобную реакцию — остановить резкий прессинг оппонента, когда ситуация полностью под твоим контролем, — такие обученные и тренированные люди, как Виталий (а он определенно обученный и тренированный) позволяют себе только в одном случае.

Если они столкнулись с чем-то, на что пока еще не знают, как реагировать.

Воспользовавшись паузой, я поднялся с ледяной земли, не сводя взгляда с противника. Поднял руку и осторожно провел рукой по лицу — там, куда угодил кулак Виталия. Пальцы прошли по неприятным неровностям — то, что тогда хрустнуло, все же было моей скуловой костью. Хорошо еще, что перелом не открытый, а то видел я на примере Файерса, что Пустота делает с кровью, не говоря уже о самой по себе кровопотере.

Кстати, а что там Файерс?

Я бросил быстрый взгляд в сторону пироманта, но его там уже не было — видимо, раненый умудрился доползти до разрыва и выбраться наружу. Или его уже пожрала Пустота. Это было бы предпочтительнее, но верится с трудом. Намного вероятнее, что он все же выбрался.

Я снова перевел взгляд на Виталия, который застыл каменным изваянием, не сводя с меня внимательного взгляда меж поднятых кулаков.

Надо и мне тоже выбираться. Не знаю, что заставило взять паузу его, но я — так точно столкнулся с тем, что мне не переварить. Не сейчас. Не здесь. Не в таком состоянии.

Изначально не самый лучший план сейчас летел ко всем чертям, и продолжать его выполнение не было никакой возможности. И дело даже не в том, что здесь внезапно появился один из Ратко — это я еще смог бы пережить. Проблема в том, что здесь появился именно Виталий.

В составе «пятератко», одетый точно так же, как и остальные братья, и отец тоже, он как две капли воды походил на них, и с расстояния метров десять уже трудно было сказать, кто из них — кто. Но сейчас Виталий был один, и сейчас, как никогда, было видно, насколько же он отличается от братьев. Те трое меня недооценивали — а он нет, он наоборот ждет от меня любой подянки даже там, где я сам не представляю, как ее впихнуть. Остальные любили поболтать — прямо хлебом не корми, — а Виталий за весь бой не издал ни звука, кроме характерного резкого выдоха при каждом

ударе. Те трое использовали реадиз — а Виталий почему-то атакует руками и ногами, словно он гладиатор в Яме, а не реадизайнер! Да, его руки светятся фиолетовым, но я так и не понял, по какой причине.

Он теряет контроль над праной? Нет, вряд ли — глаза его по-прежнему не оставляют линий в воздухе.

Он каким-то образом заряжает праной свои атаки? Тогда почему светятся руки, но не ноги?

У остальных трех братьев были слабые места, на которых можно было сыграть и подловить их.

У Виталия их не было.

Или, как минимум, я их не видел.

А, значит, я не могу себе позволить с ним сейчас сражаться. У меня нет ни единого козыря и я не знаю, как их организовать. Плюс к тому моя прана продолжает рассеиваться в Пустоте, а в голове после мощного удара немного звенит и плывет — как бы не сотрясение.

И плевать, что я ничего не выяснил. Не последний раз, явно не последний. А сейчас главное вернуться живым.

Поэтому, не сводя взгляда с не двигающегося Виталия я пошарил за спиной рукой, нащупывая точку выхода, а, нащупав, рванул ее и толкнулся ногами, спиной вперед падая в разрыв.

Вместо холодной земли я упал на горячую растрескавшуюся почву Пустошей, вместо смазанных оттенков серого появились какие-никакие цвета, а по глазам резануло успевшее

стать непривычным яркое солнце.

А еще появились звуки.

И самым громким, потому что самым близким, оказалось удивленное рокотание дарга.

Глава 6. Следы прошлого

Этот звук невозможно перепутать ни с чем другим. Даже если не слышал его уже долгое время, даже если вообще слышал его всего один раз в жизни — его уже не забыть. Хриплое, прерывистое рычание будто бы сразу целого десятка различных животных, и даже словно бы с отголосками рвущегося металла.

Это пока еще не атакующий рев, с которым дарги бросаются в атаку, со скоростью молнии, это все лишь удивленное порывивание, означающее, что дарг еще не понял, что на него свалилось сверху.

Вот только не в моих интересах превращать одно в другое.

В падении я обо что-то ударился, меня развернуло лицом вперед, я подставил ладони, резко перекатился на спину, выхватывая из окружения куски застывших событий.

Недалеко, в нескольких метрах, из земли торчат два больших валуна и между ними растет дерево — все точно так же, как и в том месте, откуда я пролез в Пустоту. В общем-то это логично — выйти на том же месте, где входил.

Вот только куда с этого места исчезли заговорщики, которые тут еще оставались, когда я засунул Стэна в Пустоту?!

И почему вместо них здесь целая стая даргов, в полтора десятка голов?!

Да лучше бы уж заговорщики были!

Дарги, кажется, еще не успели понять, что произошло. Один из них практически высился надо мной — одна из его лап в каком-то сантиметре от моей руки. Судя по тому, что тварь настороженно окаменела, медленно обводя горизонт взглядом, именно об нее я и ударился, когда вылетел из разрыва. Ударился и полетел на землю, под лапы с длиннющими когтями.

К моему счастью, тварь пока что не поняла, что произошло, и до нее не дошло, что под лапами лежит вкусный кусок мяса с доставкой на дом. Но буквально через секунду до него дойдет. А если не дойдет — то он, как минимум, меня учует.

Как максимум — еще и почувствует мою прану.

Поэтому, не теряя времени, я создал в руке стрелу, но не такую, как делал до этого, а толще и длиннее — почти что короткое копьё или гарпун. Такими гарпунами имперский флот стрелял из огромных арбалетов-скорпионов в пиратские галеры, чтобы не топить их вместе с капитанами, а брать головорезов в плен во время abordажного боя и сажать потом на муравейники в назидание прочим.

Я бы создал и копьё... Но не был уверен, что смогу быстро, исчезающе быстро, сообразить, какие именно копьё, какого именно вида, мне нужно. А счет шел даже не на секунды — на мгновения.

Но, едва я нацелил свое оружие в сердце дарга, бьющееся буквально на расстоянии вытянутой руки, и приготовился ударить, как многострадальное пространство у меня над

головой прорезала сияющая фиолетовая пятерня. Пять прановых когтей рванули лоскут мироздания в сторону, заново открывая проход в Пустоту. И оттуда шагнул Виталий.

Разумеется, Виталий — кто же еще это мог быть! Даже несмотря на то, что лицо его все еще скрывала прановая демоническая маска, не узнать его было невозможно. Да и кто еще, кроме него, мог бы здесь и сейчас выскочить следом за мной из Пустоты?!

Думал, что спасся, а в итоге только сделал хуже! Мало того, что никуда преследователь не делся, так еще и дополнительных проблем в виде стаи даргов поимел!

Демоническая маска Виталия развеялась по ветру, и он обратился ко мне:

— Куда собрался? Мы с тобой еще не закончили.

А вот это он зря.

Потому что на звук голоса среагировал не только я, но и стоящий рядом со мной дарг. Уж не знаю, то ли Виталий намеренно его проигнорировал, то ли не заметил из-за эффекта туннельного зрения, когда сосредотачиваешься исключительно на цели и ненамеренно выбрасываешь из головы все остальное, но на дарга Ратко не обратил никакого внимания.

А вот дарг на Ратко — еще как.

Одним коротким экономным движением тварь развернулась на месте, подняв тучу пыли и только каким-то чудом не проколов мне ладонь в нескольких местах своими когтями. Развернулась и уставилась на Виталия, словно не понимая,

откуда он тут взялся и как подкрался так бесшумно.

И Виталий заметил его тоже. Перевел взгляд, и нахмурился, словно не мог понять, что перед ним такое:

— Это что такое?

Дарг не ответил. Он кинулся в атаку. Молча, даже без рева. Без подготовки, прямо из стойки, кинулся вперед, вытягивая длинные лапы, и метя ими в грудь Виталия.

Ратко не растерялся и не испугался. Он встал в уже виденную мною боевую стойку и встретил летящего на него дарга тем, что я еще никогда не видел — голыми руками!

Да, он на секунду поставил перед собой какую защиту, вспыхнувшую прямо по границам его локтей, об которую дарг ударился, словно о прозрачное стекло, но после этого отшвырнул тварь от себя и тут же кинулся следом, пользуясь моментом, пока ошарашенный монстр ловит равновесие!

Да, его руки окутались уже виденным мною фиолетовым сиянием, что намекало на использование праны, но последовала за этим обычная и банальная серия ударов — прямой, боковой, апперкот, словно Виталий не на дарга напал, а дрался в ринге против такого же человека! Первый удар в голову твари оглушил ее больше прежнего, второй — боковой, заставил покачнуться, приподнимая лапу в попытке удержать баланс, и последний апперкот снизу вверх пришелся точно в открывшееся сердце твари.

Даже не сомневаюсь, что от такого удара оно просто пошло пополам.

Дарг неловко дернулся, словно его сковала судорога, и повалился на землю, подняв тучу пыли.

Все это заняло не больше секунды, и только спустя эту секунду все прочие дарги вокруг обратили на нас внимание.

Или, сказать вернее, они обратили его на Виталия.

Я тоже во все глаза смотрел на Ратко, который вышел из портала спокойным, собранным и невозмутимым.

Больше он таким не был.

Его ноздри раздулись от нескрываемого гнева, глаза сощурились до размеров узких замковых бойниц, кулаки сжались так, что, казалось, ногти сейчас пропорют кожу с тыльной стороны ладоней, а лицо покраснело, как вареный омар.

— Дарги... — выплюнул Виталий. — Сука, ненавижу... Ненавижу! Ненавижу-у-у-у!..

Последнее слова он буквально провыл, как бешеный волк.

И, как бешеный волк, он сорвался с места и кинулся на даргов!

Сам, первый! Даже не дожидаясь, когда атакуют они!

И даже забыв про меня!..

Виталий накинудся на ближайшего дарга даже раньше, чем тот успел полностью развернуться в его сторону. Перетек к нему, как кузнечик, одним длинным стелющимся подшагом, вскинул ногу, и обрушил сверху-вниз пятку, как кузнечный молот, на хребет твари.

Нога окуталась фиолетовым сиянием, с громким хрустом позвоночник переломился, и дарг упал на бок, дергаясь и

крутятся на одном месте.

А Виталий уже забыл про этого дарга, и переключился на другого — прыгнувшего на него со спины. Развернулся, присел, уходя от атаки, и снизу-вверх впечатал в открытое сердце твари мощный апперкот.

На землю дарг упал уже мертвым. Немного подергался, и затих.

А Виталий уже атаковал следующую тварь.

Атаковал, он именно что атаковал! Он не защищался от них, он на них нападал сам! И его совершенно не волновало, что он один, что у него нет прикрытия, что на него могут напасть со спины — короче, ничего из тех проблем, о которых мне рассказывала Ника! Несмотря на то, что даргов вокруг было больше десятка, Виталий грамотно держал позицию и расстояние до них, располагаясь так, чтобы все они были спереди от него и не позволяя зайти себе на спину. Атаковав очередного дарга, он быстро выводил его из строя, а потом резко отступал на несколько метров назад, не давая напасть на себя, но заставляя их растягиваться. А как только какая-то тварь снова вырывалась вперед — атаковал и ее тоже.

И с каждым новым телом твари выдыхал:

— Ненавижу... Ненавижу! Ненавижу-у-у!..

Когти даргов, конечно, настигали реадизайнера, но каждый раз на их пути вспыхивал компактный экран из праны, который с легкостью отражал атаку.

А следующую обычно дарг уже не успевал провести.

Виталий двигался и дрался крайне грамотно и умело, но его выдохи, его вопли и то, как он наносил удары — яростно, с полным вложением, так, чтобы или пан или пропал, — говорило о том, что он себя контролирует крайне плохо. Настолько же плохо, насколько хорошо контролировал себя в Пустоте. То, как он двигался, и не позволял зайти себе за спину, явно было лишь вбитыми в мышцы и вырезанными на подкорке рефлексами, работающими тогда, когда сам мозг отключается. Зато вот вспышки фиолетовой праны каждый раз, когда кулак или нога соприкасались с даргами, были так ярки, что даже слепили, а сами удары были так мощны, что, не достигни хотя бы один из них цели — и Виталий вполне мог бы заработать себе травму на ровном месте, просто из-за того, что природой не предполагалось использование конечностей для таких нагрузок под такими углами.

Но дарги никогда не учились драться врукопашную, они делали это на инстинктах. Они не умели ставить блоки и уворачиваться. Поэтому каждый удар Виталия обязательно заканчивался хрустом костей и еще одной дергающейся на земле тварью.

На меня ни дарги, ни Виталий не обращали уже никакого внимания — они были целиком поглощены друг другом. И, если с даргами все было понятно, — Виталий выделял намного больше активной праны, чем я, и банально был им лучше заметен, — то что происходит с реадизайнером, бы-

ло решительно непонятно. Словно у него к даргам какая-то личная вендетта. Какая-то нездоровая ненависть, если ненависть, конечно, вообще бывает здоровой...

И он вымещал на них свою ненависть, одного за другим отправляя тварей на песок. Разменяв десяток, Виталий начал очевидно выдыхаться — все же такие мощные пранопотери, да еще на фоне плохого контроля себя, давали о себе знать. Если бы я посмотрел на него прановым зрением, наверняка, я увидел бы целую тонну праны, бесславно рассеявшейся в окружающем пространстве — настолько сильно Виталий ее терял.

Но я не смотрел. Вернее, смотрел, но не прановым зрением, а обычным. Завороженно наблюдал, как он одного за другим разносит черепа и разрывает сердца даргов, яростно приговаривая:

— Ненавижу! Ненавижу!..

Мне бы свалить по-тихому в этот момент, хоть даже в ту же Пустоту, пока он занимался тварями...

Но я не сваливал. Почему-то казалось, что сейчас я наблюдаю что-то очень личное, и главное — что-то очень важное. Что-то, что поможет мне в будущем. Что-то, что мне очень важно знать. Поэтому у меня даже мыслей не было о том, чтобы куда-то свалить. А если бы и были — обязательно нашлось бы что-то, что меня остановило.

Интуиция? Возможно.

Когда Виталий закончил с последним даргом, сломав ему

хребет, а потом разmozжив череп и бросив тварь корчиться на земле, я наконец спохватился и осмотрел его прановым зрением. Как я и думал, он потерял приличное количество праны и уже светился далеко не так ярко, как в самом начале. Мало того — он все еще продолжал ее терять. Через руки, через ноги, пылающие яркими фиолетовыми факелами, и даже через нос, с каждым выдохом выдувая клубы фиолетового тумана.

Виталий, очевидно, стал намного слабее. Но отнюдь не стал менее опасным. Как минимум, потому что в состоянии его нынешней ярости я не то что не знал, чего от него теперь ждать, я не пытался даже прогнозировать.

Одно было ясно точно — дарги не успокоили его ненависть. Даже, наверное, наоборот -распалили еще сильнее. И выместить ее он собирался на мне.

Дальше ждать не было возможности. Пусть я ничего не выяснил, но это уже неважно. Находиться рядом с обезумевшим реадизайнером и дальше могло слишком дорого мне обойтись.

Поэтому, как только Виталий быстрым шагом пошел ко мне, я поджал под себя ноги, принимая положение на корточках, уже привычным движением разорвал перед собой пространство и прыгнул вперед, в Пустоту.

Конечно же, Виталий снова последовал за мной. Не прошло и нескольких секунд, как он оказался у меня за спиной, все еще дышащий злобой, ненавистью и праной.

Вот только в этот раз преимущество наконец было на моей стороне. Больше не контролируя себя, Ратко терял огромное количество праны и продержаться здесь смог бы от силы несколько минут.

Мне надо всего лишь эти несколько минут выжить.

— Думал, тебе это поможет?! — исступленно закричал Виталий, сжимая руки в кулаки. — Ни хера подобного! Я убью даргов! Я убью всех даргов, какие только существуют в этом мире! Я их не боюсь!

— Да что ж тебе так дались эти дарги... — пробормотал я, глядя, как он идет в мою сторону, и аккуратно, чтобы не наткнуться спиной на руины стены, отступая спиной вперед.

Виталий шел размеренным шагом, не пытаясь ускорить его и тем более — перейти на бег. Но все равно он двигался быстрее, чем я, вынужденный пятиться спиной вперед. Поэтому через несколько секунд он был уже рядом.

Удар — я пригнулся. Еще удар — я провалил корпус назад, споткнулся обо что-то, и едва не упал. Еще удар — я уклонился, чуть подкорректировав траекторию рукой.

Виталий выдохся. Его удары стали более размашистыми и медленными. Их легче стало прогнозировать, а значит, уклоняться и блокировать. Впрочем, с блокированием я погорячился — он все еще выше и тяжелее меня, и любой его удар, даже не усиленный праной, с очень большой вероятностью пробьет любой мой блок.

А усиленный — еще и выбьет из меня дух дополнительно.

Поэтому я намеренно сменил направление отступления, и, когда в поясницу уперлись обломки стены, я откинулся назад, переваливаясь через них и приземляясь с другой стороны.

Теперь нас разделяла невысокая, по пояс высотой, полуразрушенная стена. Какое-никакое, но препятствие, чтобы перевести дух. И заодно — выиграть несколько лишних секунд, пока Пустота высасывает Виталия.

Но его это не остановило. Лишь на мгновение он замер, упервшись в стену, глупо моргнул, а потом зарычал и рыбкой кинулся вперед, целя руками прямо в меня!

Я не успел отреагировать, он сшиб меня на землю, приземлился рядом со мной на колени и вцепился своими мощными пальцами мне в шею!

В глазах резко потемнело, воздух перестал идти в легкие, захотелось кашлять, но не получалось — так сильно пальцы Виталия сдавили трахею!

— Думаешь, я не знаю, что ты пытаешься сделать?! — заорал он мне прямо в лицо, нагнувшись. — Я не буду играть на твоих условиях! Не дожدهшься!

И, оставив у меня на горле одну руку, он поднял вторую и вцепился когтями в пространство, чтобы разорвать его!

Одна рука! Надо действовать!

Я ударил раскрытой ладонью в кадык Виталия, а когда он рефлекторно дернулся назад — подтянул к себе колени и вставил, как разделитель, между нами. Толчок — и Виталий

отлетает в сторону, а я вскакиваю и вместо него вцепляюсь когтями в надорванное пространство!

Рывок!

И я уже снова вываливаюсь куда-то... Когда-то...

Может быть, мне повезет и тут снова будут дарги?!

Но нет, даргов нет. Нет даже мертвых, не говоря уже о живых. Хотя это точно то же самое место — те же два камня, то же дерево...

Только вот рядом с деревом, метрах в ста, почему-то стоят живые люди. Один взрослый и один... подросток? Мальчик лет пятнадцати, не больше. Взрослый стоит перед ним на колене, положив руку ему на плечо, и что-то объясняет...

Что тут происходит?

Меня снова сшибло на землю — Виталий вывалился из разрыва. Вывалился прямо на меня, повалил на землю и снова уселся сверху, заноса кулак:

— Тебе конец!

Но он так и не ударил. Его глаза внезапно переместились на странную пару возле дерева, и он вздрогнул.

Вздрогнул все телом, словно через него пропустили мощный электрический разряд. Вздрогнул и замер, как парализованный, не сводя взгляда с парочки. Его губы сложились в два неслышных, но читаемых слога:

— О... тец...

Я осторожно шевельнулся, но Виталий никак не отреагировал. Тогда я подтянул ноги, и, упираясь ими, выполз из-

под реадизайнера, не сводя с него взгляда.

А он не сводил взгляда с пары возле дерева. И не переставал повторять:

— Отец... Не надо... Отец... Не надо...

Я не удержался от искушения и аккуратно ткнул его пальцем в плечо, но Виталий не реагировал. Для него словно все вокруг перестало существовать. Все, кроме мальчика и его отца возле дерева.

Отец встал, и отряхнул колено, на котором стоял.

И тогда Виталий заплакал:

— Отец... Не надо, не надо... Я не хочу больше даргов... Я не хочу, я не хочу...

Он не кричал, как делал это со мной или с даргами. Он шептал, почти беззвучно шептал, словно говорил сам с собой. Возможно, закричи он, он бы докричался до них, предупредил, что-то изменил...

Но я уже все понял. Он не закричит, не привлечет их внимания. Потому что никогда не привлекал. Его никто не видел и не слышал в тот момент, когда Себастьян Ратко выводил своего сына в пустошь.

Была ли это проверка для конкретного ребенка, или он так делал со всеми, а, может, он пытался таким образом избавиться от Виталия? Теперь уже не узнать. Из самого Виталия, понятное дело, и слова не вытянешь, по крайней мере, без риска остаться с раскрошенным черепом. А ни у кого из той пары спрашивать... Просто нельзя.

— Отец... — беззвучно плакал Виталий. — Пожалуйста, не уходи... Не бросай меня...

Но Себастьян его не слышал. Он манерно взмахнул рукой, и исчез из поля зрения мгновенной телепортацией, оставив своего маленького сына в одиночестве.

— Отец, нет! — тихо взвыл Виталий, падая на бок и подтягивая колени к груди. — Они же придут! Дарги придут! Они придут-у-ут!..

А я смотрел то на него, то на его маленькую версию, которая неуверенно ковыряла ногой землю, и понимал, что дарги не придут.

Если я ничего не сделаю — не придут.

А еще я прекрасно понимал, что я не хочу этого делать. Но выбора у меня нет...

Глава 7. Родословная

Что ж, еще один вопрос получил свой закономерный ответ. Места, которые выглядели случайными и ничем не примечательными для меня, имели огромное значение для кого-то другого. Связанные с ними воспоминания служили якорем для того, чтобы открывать промежуточные порталы именно в этих точках. И, если знать все такие точки, мы будем знать, где заговорщики будут открывать свои промежуточные порталы. Мы будем на шаг впереди, и в тот момент, когда они в очередной раз вышлют террористический отряд для того, чтобы навести страх на простых людей, мы сможем перекрыть их промежуточные порталы. А это уже развязывает руки для огромного количества тактических ходов. Что, например, скажет заговорщики, если выход портала, через который они эвакуируются, откроется напрямиком в разрыв, ведущий в Пустоту? Или в логово скопий? В толпу даргов? Что, если он вообще не откроется?

Придумать можно много чего. Но для этого надо сперва поговорить с Персефоной и удостовериться, что я все правильно понял, что я нигде не ошибся и что все это действительно возможно.

А для этого сперва надо вернуться к себе. В свое время. И я понятия не имел, как это сделать. В предыдущий раз через Пустоту я провалился во времени в момент, который

был важен для меня самого. В момент, когда решалась моя судьба, по сути — видимо, это и был тот самый якорь, который выдержнул меня именно туда и именно тогда.

Но сейчас-то я был не в своем якорю. И я даже знал, почему так — это Виталий начал открывать выход из Пустоты, а я лишь продолжил. Видимо, именно за счет этого я каким-то образом перенес нас в это прошлое. Именно я, потому что я сомневаюсь, что, во-первых, Виталий по своей воле перенесся бы в этот момент, чтобы заново пережить все это, а во-вторых — что он вообще в курсе, что Пустота на такое способна.

Виталий не впитывал брату нескольких единокровных братьев. Виталий не вдыхал скиллтрит. Виталий не трахался с богинями.

Хотя последнее, конечно, вызывает сомнение...

Короче говоря, перенос в этот момент — это моя заслуга, как и в предыдущий раз. Сомнений нет и быть не может. И, как и в предыдущий раз, я сделал то, что должен был сделать. То, что не мог не сделать, потому что однажды я это уже сделал, направив историю именно по этому пути.

Я убил стоящего на коленях и плачущего Виталия. Подошел сзади и пронзил его сердце прановой стрелой. А он даже не сопротивлялся. Только продолжал смотреть на молодого себя, плакать и беззвучно что-то повторять.

Когда его сердце перестало биться, из тела предсказуемо вырвался поток праны, и я, решив не задерживаться там

больше, открыл разрыв в Пустоту и шагнул в него. Однако я оставил небольшую щель, через которую видел, как спустя две минуты на горизонте появились скачущие тени. Дарги пожаловали на обед.

И у них, по сути, была только одна цель, чтобы на нее наброситься. Не знаю, для чего Себастьян оставил здесь молодого Виталия, но представляю, что произошло после того, как он исчез. Представляю, основываясь на словах самого Виталия. На него буквально сразу же накинулась стая даргов и он то ли смог уйти от них, то ли смог победить их — я так и не понял. Но главное — эта стая была, и с тех пор в сознании Виталия поселилось сразу два мощнейших эмоциональных якоря. Первый — безумная ненависть к даргам и стремление всех их уничтожить. Вторая — страх снова остаться в одиночестве. Снова пережить момент, когда его бросают.

Мне выпало наблюдать и то и то сразу.

Сейчас же я просто восстанавливал естественное течение истории.

Убедившись, что все сделал правильно, я закрыл миниатюрный разрыв, в который подсматривал, как в окошко. Закрыл, даже не задумываясь об этом, даже не думая о том, что я на самом деле его закрываю. В этот момент мои мысли были где-то далеко и уже занимались вопросом возвращения обратно, и рука как-то сама собой затерла разрыв, словно выравнивая кучку песка. И это сработало — Пустота сомкнулась вокруг меня, снова погружая меня в холод и ветер.

Сам того не понимая, не замечая и не отдавая себе отчет, я сделал то, что не мог понять, как сделать раньше. Интуитивно. Опять.

Что ж... Раз все так несложно, то, может, и выбраться отсюда я тоже смогу интуитивно? Ведь я же как-то смог вернуться из того времени, где заново переживал все произошедшее с АГАТом?

Но сперва я попробовал обратиться к кровной сети и послать в нее сигнал для Персефоны в надежде, что она его получит, сообразит, что надо делать, и выдернет меня отсюда, как уже это делала. Но — тщетно. То ли дело в том, что я был в Пустоте, то ли дело в том, что в этом времени Персефона еще не накладывала на меня никаких меток, а значит, и не могла с ними взаимодействовать, то ли еще в чем-то... Главное, что это не сработало. Никуда меня не переместило, и ничего вокруг меня не изменилось.

Тогда я принялся вспоминать, где я хочу оказаться, в мельчайших подробностях воссоздавая в памяти интерьер клан-холла и людей, которые в нем живут. Вспомнил Нику, Чел, Персефону, Кира и Филиппа. Амину, Уайта, Дон Йена и всех прочих, кого только мог вспомнить. Даже закрыл глаза, чтобы проще было сосредоточиться.

А потом протянул руку и вырвал новый кусок Пустоты, открывая проход.

Когда я выпал из Пустоты в реальность, первое, что я почувствовал — был сильный удар острым кулачком в плечо.

Потом — сразу же в грудь, потом — в другое плечо.

И только после этого Ника начала вопить:

— Сукин сын, ты что вообще творишь! Ты что себя позволяешь, а?! Жить надоело?!

Что ж... По крайней мере, я там, где хотел оказаться.

Взяв Нику за плечи и отодвинув ее от себя так, чтобы она не доставала меня своими кулачками, я обвел всех присутствующих взглядом. Пересчитал по головам. К счастью, все были на месте — ровно столько, сколько их было, когда я нырял в портал. Как минимум, это означало, что никто из них благоразумно не сиганул за мной в портал. Наверное, решили, что из-за одного малолетнего идиота не следует рисковать жизнями всех остальных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.